

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2023

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

Ольга Смирнова

Вслед за ТЕНЬЮ

Книга первая

Паутина судеб

Ольга Смирнова

Вслед за тенью. Книга первая

«Автор»

2022

Смирнова О.

Вслед за тенью. Книга первая / О. Смирнова — «Автор»,
2022 — (Паутина судеб)

Тот вечер навсегда останется в памяти: помолвка лучшей подруги, просторный зал ресторана, неловкое движение, оглушающий звон разлетающегося по полу стекла и твой цепкий взгляд... Я — обычная студентка столичного ВУЗа так спешила на ту встречу, но даже и не догадывалась, что неожиданно-негаданно столкнусь там с тем, кто замешан в событиях тёмного прошлого моей семьи. Событиях, о которых до того дня я даже не подозревала...

© Смирнова О., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог. Под колпаком у «Мюллера»	5
Глава 1 Эльвира. Ход конём	7
Глава 2 Неожданное предложение	13
Глава 3 Предвестник перемен	18
Глава 4 Каменнолицый	23
Глава 5 Не потерять самообладания	27
Глава 6 Форс-мажор и гранатовый сок	30
Глава 7 Марья Стоцкая вступает в игру	34
Глава 8 Гадание на ромашке «отпустит—не отпустит» Марья в ударе	37
Глава 9 (Не)случайный попутчик	40
Глава 10 Щелчок по носу	44
Глава 11 Лев вышел на охоту	48
Глава 12 Зыбкая защита «Пирата»	53
Глава 13 Ответный ход Новикова	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Смирнова

Вслед за тенью. Книга первая

Пролог. Под колпаком у «Мюллера»

Как он мог всё от меня скрывать? Я же имела полное право знать то, что творится в моей семье. Но он решил по-своему. Впрочем, как всегда...

И что же теперь? Столько лет прошло... Как теперь всё исправить?

Всё моё детство прошло под его тотальным контролем. Все эти годы, каждый вечер после ужина, я в деталях отчитывалась ему о том, как прошёл мой день, а затем – вслушивалась в его советы и замечания по поводу того, как правильнее было бы поступить в том или ином случае.

Все эти годы мы жили изолированно. Мой круг общения тщательно им фильтровался и ограничивался. В первый год после того, как всё случилось, круг этот состоял из него самого, Полины – нашей помощницы по хозяйству и дядя Коли – начальника нашей службы безопасности – вот, пожалуй, и всё. Бесспорно, на то были причины: он стремился уберечь меня от опасностей, реальных или надуманных им – неважно. Важно то, что с его гиперопекой всё детство и юность я провела будто в капсуле, лишь изредка высовывая свой любознательный носик за стены нашего уютного и безопасного дома-крепости. Я даже не догадывалась о том, что происходит совсем рядом – в каких-то сотнях метров от его стен – за стенами поменьше, но в полной видимости из окна его кабинета.

Единственным местом, которое я исправно посещала после того, как взбунтовалась против такой тотальной изоляции, – была школа, куда на протяжении десяти лет меня отвозил и строго по расписанию доставлял домой дядя Коля.

Так случилось, что с семи лет воспитанием моим занимался Даниил Сергеевич Громов – мой дед по маминой линии. И сколько себя помню, он всегда ревностно оберегал меня от информации, которую считал лишней или совершенно для меня не существенной. Но рано или поздно всё меняется, а тайное – всегда становится явным. Поэтому, стоило мне закончить школу, как всё начало проясняться.

«Новые вводные, значит», – пробурчал дедушка, когда я радостно сообщила ему о том, что поступила в Универ.

«Дедуль, ну ты чего?.. Не рад, что ли?» – грустно улыбнулась я тогда, заметив одинокую морщинку у него на переносице. Она всегда появлялась, если что-то шло не так, как он планировал.

«Рад... Конечно, рад. Просто нужно будет продумать некоторые пункты по твоей безопасности. Ввести коррективы...» – устало ответил он тогда.

«Ну, какие коррективы? Что ещё может случиться? Уже десять лет всё тихо—мирно. В прошлом всё, дедуль», – попыталась я успокоить в тот день его паранойю.

«Не спорь, – в своей обычной: авторитарной манере велел он тогда. И подумав, негромко проговорил: – Теперь любая мелочь может выбить почву у нас из-под ног...»

Я тогда не восприняла его слов всерьёз. Списала их на усугубившуюся с возрастом мнительность. А излишнюю подозрительность деда я привыкла объяснять для себя его военным прошлым и тем, что нам пришлось пережить в годы моего беспокойного детства.

Но минувшим летом, уже после того, как обрадовала его своим поступлением в Универ, я стала случайным свидетелем одного странного разговора. Он-то и заставил меня усомниться в уверенности о том, что все наши беды остались позади.

Обычно дед вёл деловые беседы у себя в кабинете, но в тот день...

В тот день мы горячо спорили в моей комнате о том, где мне лучше прожить. Дед считал, что безопаснее ездить на занятия из дома, а я бурно отстаивала свою идею поселиться в общежитии. Вот на самой горячей точке нашего спора и раздался тот странный звонок. Мне показалось, дед тогда ответил на него машинально. Он молча выслушал собеседника и холодно предупредил: «Держись от моей семьи подальше или пожалеешь!» И бросив мне: «Позже договорим», вышел из комнаты.

Всю ночь после того разговора я прождала дедушку, не смыкая глаз. Но вернулся он только через два дня. Вернулся и с порога сообщил, что наш начальник СБ – дядя Коля – попал в аварию. В паре слов дедушка рассказал о его состоянии после инцидента, но все мои расспросы по поводу того странного звонка и о том, где он пробыл двое суток, остались без объяснений...

Спустя время произошло ещё одно событие. На первый взгляд странное и совсем несерьезное, оно поставило мою прежнюю размеренную жизнь с ног на голову. События с того дня замелькали словно узоры в калейдоскопе: стремительно и непредсказуемо настолько, что порой я ощущала себя героиней шпионского триллера и наотрез отказывалась верить в то, что всё происходит именно со мной – Катей Громовой – обычной первокурсницей медицинского ВУЗа.

Глава 1 Эльвира. Ход конём

Декабрь того же года.

Наступило утро пятницы. Я спешила в Универ и уже выскочила было за дверь нашей с Марьей комнаты в общежитии, но подруга остановила меня, огорошив новостью.

– Сегодня вечером жду тебя в Москва-Сити, – заявила она своим привычным деловитым тоном, – В 19.00 заруливай в рестик.

– Куда?..

– В ресторан, – объяснила она на понятном мне русском и тут же распорядилась: – Только чур не опаздывать, ясно! Координаты сброшу смской».

– А что, есть повод? – удивленно спросила я, застыв у входной двери.

– Есть, – коротко ответили мне с лукавой улыбкой. Она-то и раззадорила мое любопытство, которое дед называл не иначе, как патологическим.

– Какой? – осторожно спросила я, но не услышав ответа, продолжила «раскручивать» подругу на откровенность: – Ну, Маш... Вчера ж вечером ничего не предвещало...

– Ну, Мааш! – снова воскликнула я, видя, что она не спешит с ответом.

– Вот придешь в рестик – и узнаешь.

– Ну, неет, Маш! Я ж умру от любопытства! Хоть намекни! Маш, ну пожааалуйста. В конце концов: я должна знать, как одеться.

– Форма одежды – парадная, – известили меня, усмехнувшись.

– Па—рад—на—я! – пропела я по слогам. И подмигнув ей, уточнила: —Парадно—деловая или парадно—романтическая?

– Ну ты и зануда, Кать! – рассмеялась Машка.

– Должна же я знать, как одеться! Деловой костюм или платье а ля романтик? Ну, Маш!

– Ладно... Слушай... Я тут замуж собралась, – как бы между прочим известили меня. И с иронией добавили: – Так что в платье чтоб пришла, ясно!

– Ты?! Замуж?! Не может быть! – только и удалось воскликнуть мне, успевшей за полгода дружбы распознать ее независимый нрав и тягу к «жизни без обязательств». Именно так она называла отношения со своим парнем.

– Для разнообразия – почему бы и нет! – вдруг заявила моя авантюристка.

– Вот это да... Ааа... Это... А Саша в курсе?» – сконфуженно залепетала я.

– В смысле? А кому, как ни ему в курсе-то быть, Кать?! Он весь этот шабаш и замутил, – с коварной усмешкой поделилась она, – вот путь теперь и расхлебывает!

– Ну и дела! – только и смогла снова выдать я. И спохватилась: – Прости... Неожиданно просто... Ещё вчера ж ничего не предвещало...

– Днем – да, а вот ночью... – загадочно проговорила Машенция.

– Так он приходил! А я не слышала... Эх, я и спать...

– Пришел – да был отозван, – подлилась она, очень постаравшись скрыть недовольство. Снова улыбнулась и добавила: – А телефон нам – на что?

– Так он перезвонил потом, да? Ночью? звонил!

– Ты у нас Капитан Очевидность, блин! Позвонил и высказал всё, что не успел при встрече.

– И предложение сделал по телефону, да?

– Служба, чего уж... – Вдохнула подруга.

– Да: служба – есть служба. Так папа говорил... Поздравляю, Маш... Вот просто... от всего сердца поздравляю! Просто это так неожиданно! – сбивчиво затараторила я, прогоняя из памяти день, когда папа сказал мне ту фразу: расстраиваться сейчас мне было ни к чему.

– Это я уже слышала, – смеясь напомнили мне, – Обещай, что будешь сегодня вовремя!

– Обещаю! Конечно, обещаю! – клятвенно заверила я ее и добавила: – Я постараюсь.

– Чтоб очень постаралась, слышишь! – велела она, – А то, знаю я тебя! Беги! На пару опоздаешь!

– Да... уже в пути! Ну ты даешь! – воскликнула я и выбежала, хлопнув дверью.

В ритме вальса пронеслась по коридору, спустилась в холл и толкнула тяжелую дверь на выход из общежития. Вылетела на крыльцо, как пробка из бутылки, и замерла в полнейшем изумлении.

Обожаю зиму! Она у нас замечательная, самая что ни на есть настоящая: студёная, с ледяным воздухом, холодящим горло, с хрустом снега под ногами, со звонким чириканьем воробьев, которым, кажется, любой мороз нипочем. Полина моя любит говорить: «Зимушка наша – своенравна и обожает преподносить сюрпризы». И она права: только вчера было тепло и дождливо, словно осень и не уходила, а за ночь резко похолодало, завьюжило и Златоглавую засыпало с горочкой. Рыхлые мягкие россыпи росли на глазах, застилали дорожки пухлым белоснежным покрывалом и свисали с веток деревьев и кустарников, словно Полинино дрожжевое тесто, как-то «сбежавшее» из кастрюли, казавшейся мне в детстве просто огромной.

Путь мой на занятия лежал через сквер и шла я по нему этим утром, как по настоящему царству Снежной Королевы из любимой в детстве сказки.

Лёгкий ветерок заигрывал с волосами: слегка трепал их и скидывал с прядей вездесущие снежинки. Вдруг более сильный его порыв подкинул несколько локонов на грудь. Я подняла было ладонь, чтобы привычно откинуть их назад, но вдруг расслышала издали насмешливое и настойчивое одновременно:

– Эй, красавица, позолоти-ка мне ручку!

Я обернулась и заметила женщину в чёрной норковой шубе. Она плавно скользила по направлению ко мне, чуть придерживая меховые полы своего гламурного одеяния, из-под которого выглядывали лишь щиколотки ног в чёрных кожаных сапожках. Я взглянула на её лицо, чтобы убедиться, знакомы ли мы, и с уверенностью откинула эту догадку: остановила меня совершенно незнакомая мне женщина.

Пара густых непослушных прядей чёрных как вороново крыло волос выбилась из-под её капюшона, успевшего покрыться снежной паутиной, и теперь с обеих сторон обрамляла чуть разругавшееся молодое лицо женщины.

Нежданная собеседница подошла ко мне и вскинула перед самым моим носом изящную кисть руки с элегантным маникюром.

Я и не собиралась поддаваться на манипуляции этой дамы, ведь никогда не воспринимала всерьёз идею с предсказанием будущего, всегда считала это выдумкой, фокусом, мастерски разыгранным представлением.

К тому же передо мной стояла вполне себе обеспеченная дама, с идеальным макияжем «а ля натюрель» и в роскошной шубе, в которой явно было бы не с руки бродить по улицам в поисках желающих нагадать себе будущее. Дорогой маникюр, опять же, дополнял изысканный образ незнакомки. И только объёмная яркая шаль с длинными, свисающими на грудь кистями, нарочито повязанная поверх шубы, делала даму хоть чем-то похожей на уличную предсказательницу. Броский узор этой шали, вышитой пурпурными розами в золотой окантовке, так и притягивал взгляд. Яркий узор, казалось, плавно растекался огромной разноцветной кляксой по иссиня-чёрному полотну. Особого магнетизма образу моей случайной собеседницы добавляли и выразительные глаза с томной поволокой. Я заглянула в них и чуть не утонула, пробормотав:

– Не надо. Я в это не верю...

Не без усилия отвернувшись от незнакомки, на вдруг отяжелевших ногах я заспешила к «Сеченке», контуры которой уже просматривались в снежной мгле.

– Э... Стой, я не закончила! – выкрикнула мне в след брюнетка. Она догнала меня в два счета и настырно ухватила за рукав моей дублёнки.

Я остановилась, лишившись дара речи то ли от навязчивой бесцеремонности женщины, то ли от странного магнетизма её взгляда.

– А ты дерзкая! – недовольно воскликнула она, окинув меня внимательным и чуть надменным взглядом. И продолжила: – Меня обычно выслушивают до конца, если, конечно, хотят добра. Хм... – замолкла она на пару мгновений, всматриваясь мне в лицо и будто что-то обдумывая.

С минуту мы обе безмолвно стояли, словно два запорошенных снегом изваяния, как бы опасаясь сделать ещё один шаг к сближению. Впрочем, мне не было страшно в обществе этой дамы. К тому же, моя бунтарка—интуиция, хоть и слегка капризничала, посылая мне вполне здравые идеи поспешить на пару, однако, в общем-то не настаивала на этом и вела себя вполне миролюбиво, похоже, не уловив явной опасности. И только ноги мои оставались неприятно ватными и неповоротливыми, но и они тоже будто не желали нести меня отсюда прочь. Это вызвало во досаду, ведь здравый смысл трубил, что я могла опоздать на пару.

Женщина всё ещё придерживала меня за рукав дублёнки, видимо, давая понять, что не выдаст мне «вольную», пока не выскажется.

– Отпустите меня, – миролюбиво попросила я, взглядом указав на её цепкие пальцы на моём рукаве, и объяснила: – Поверьте, со мной вы зря теряете время. Я студентка, денег у меня немного. Да вам они и ни к чему.

– Вот как! – иронично усмехнулась дама и заинтересовано выдала: – С чего такие выводы?

– Не производите впечатления нуждающейся, – объяснила я.

– Хмм... Верно, явный просчёт в образе... Что ж... Обстоятельства порой берут верх.

– Какие обстоятельства?

– Не важно, – проговорила она, оглядев меня ещё одним острым взглядом. И велела: – Считай, что у меня хобби.

– Хобби? – рассеяно переспросила я, стараясь не концентрировать внимания на её глазах, обрамленных густыми длинными ресницами и буравящих меня оценивающим взглядом.

– Да. Люблю направлять капризных цыпочек...

– Направлять куда?

– В нужное рус...

– Знаете, я не капризная цыпочка, – перебила я её, не постаравшись скрыть обиду. И объяснила: – Просто привыкла сторониться навязчивых дам с маниакальными замашками.

– Маниакальными замашками, – повторила она и снова усмехнулась: – А тебе палец в рот не клади... Что ж, один: один, голубушка, – вполне себе дружелюбно улыбнулась она и добавила: – Ты то, что нужно!

– Нужно кому?

– Хороший вопрос. Схватываешь на лету, – милостиво похвалили меня, – Итак: к делу! Деньги твои мне ни к чему. По темпераменту подходишь... А волосы твои...

– Волосы? Не понимаю...

– Они точно не оставят его равнодушным, – довольно ухмыльнувшись, заявила она.

– Кого «его»? – уточнила я, совсем сбита с толку.

– Роскошные... Буйные... Непослушные, как их хозяйка, – будто увещевая меня, негромко вещала дама, оставив мой вопрос без ответа.

Голос её теперь как-то странно воздействовал на меня. Негромкий, грудной, тягучий, словно карамельная нуга, он будто лишал сил; будто обволакивал мягкой шалью, окуная в тепло и уют летнего дня. Меня даже стало чуть покачивать, словно на волнах, стоило ей продолжить говорить после короткой паузы: – Он обожает такую длину.

Слова эти отчего-то опалили меня спонтанной радостью. В ногах появилась странная лёгкость. Я вдруг почувствовала себя воздушным шариком, наполненным гелием и подвешенным к потолку. В голове медленно, но неотвратимо сгушался туман. В нём вязли обрывки моих разрозненных мыслей: «О ком она говор...»

– Кто «он»? – пролепетала я, с трудом разомкнув непослушные губы.

– Жизнь твоя будет так же непредсказуема, как их тяжелые крутые волны. – пристально глядя мне в глаза, негромко говорила дама, снова будто не расслышав моего вопроса.

– Волны?.. Не надо! – попыталась возмутиться я, сделав над собой неимоверное усилие. И заметила, как её рука потянулась к одному из моих локонов. Заметила и почувствовала, что совсем теряю волю к сопротивлению, становлюсь покорной, очень послушной – настоящей марионеткой в её руках. Манипуляции над собой я ненавижу с самого детства и позволяю это только дедушке, знаю, что он не причинит мне вреда и всегда будет на моей стороне. Но стоявшая сейчас передо мной незнакомка была не так проста. Чтобы избавиться от странного навязывания, я, по привычке, резко повела головой из стороны в сторону, но сделала только хуже: ещё несколько моих локонов переключалось на грудь. Их тут же легонько огладили ладонью, но теперь я отчего-то не рассердилась, а улыбнулась, ни с того ни с сего поймав себя на мысли о том, что голос дамы мне нравится. Он для меня – словно манна небесная, поэтому я просто обязана вслушиваться в каждое сказанное им слово.

Обладательница этого голоса увиделась мне вдруг лучшим другом – тем, кто, как и дедушка, желает мне только добра. Стало быть, всё, что она мне сейчас навещает – станет самым важным в моей жизни. Не знаю, с чего я это себе напридумывала, но туман в голове продолжал сгущаться, и любая трезвая мысль, казалось, тонула в нём безвозвратно.

Откуда ни возьмись вдруг навалилась тишина. Полная. Глухая. Ни ветерка, ни шороха, ни чириканья воробьёв, ни гула машин вдали, ни голосов студентов, ещё мгновение назад спешивших мимо нас на занятия. Исчезло всё, кроме казавшихся мне теперь обсидиановыми омутов её серьёзных глаз. В них я вязла всё глубже и глубже.

– На твоём пороге Король Треф, Синеглазка. – в глубокой тиши звучал настойчивый голос дамы. – Ждёт... Томится... С бокалом гранатового сока.

– Ссока?.. Ппочему ггранатового?.. – запинаясь, нерешительно спросила я, снова с трудом разлепив онемевшие губы.

– Потому что любимый, – вздохнув, ответили мне назидательным тоном, словно неугомонному и неразумному ребенку. Следом мне ещё раз огладили волосы, словно гриву норовистой лошадке, и продолжили:

– Сейчас Король Треф – при даме с платиновыми волосами и даже не подозревает, как ты ему нужна...

– При даме... Кто она? – пробормотала я. Собственный голос слышался мне теперь доносившимся откуда-то издалека. Он звучал слабо, едва различимо и отчего-то расстроено.

– Пустое. Она тебе не соперница, – успокоили меня.

– Правда? – уточнила я со странной надеждой в голосе.

– Да, – категорично обнадёжили меня, – Запомни: только тебе суждено быть с ним рядом. Докажи ему это.

«Как?» – захотелось было спросить мне, но выплывшая из тумана интуиция подкинула другой вопрос.

– Зачем мне это? – прошептала я.

– Потому что он – твоя судьба, – прозвучал ответ. И снова было велено: – Докажи ему это!

– Как?

– Просто будь собой, Синеглазка. И не отпускай его от себя больше, чем на неделю.

Я не понимала, кто передо мной и о ком мне сейчас вещали, но ответ мне понравился настолько, что сердце радостно пустилось вскачь. Накатила дикая уверенность в том, что буду следовать этому совету, чего бы это ни стоило.

«Она мне не соперница... Не соперница... Нужно просто быть собой и не отпускать его...» – эхом отдавался в голове настойчивый голос дамы. Он кружил меня в странной эйфории, дарил непонятную надежду и повышал самооценку. Возможно, это был мой собственный внутренний голос. Да, возможно, я сама принялась внушать себе странный постулат дамы.

Где-то на задворках сознания встрепенулась моя интуиция, видимо, попытавшись вразумить свою хозяйку, намекнуть ей, что творится что-то неладное, неправильное.

«Стоп, Катя! Закрой глаза!» – мысленно велела я себе.

Но сделать это оказалось совсем непросто. Неимоверным усилием воли мне всё же удалось вырваться от плена манящих глаз, но скользнув взглядом ниже по лицу незнакомки, я наткнулась на полные губы цвета спелой вишни. Они на мгновение скривились в недовольной усмешке, но сразу же снова сложились бантиком.

– Не отвлекайся, Синеглазка, – было приказано мне.

Предсказательница снова вздохнула и выставила указательный палец перед самым моим носом. Я залипла на ярком остром ноготке и тут же забыла обо всём на свете. Ноготок этот пару раз прошёлся у меня перед глазами маятником, отражая утренний свет крупинками перламутра, нанесенными поверх алого лака. Чуть дыша, я наблюдала за движением этого пальца, зачаровано ожидая следующей мерцающей вспышки. Откуда-то издали, словно сквозь плотный ватный кокон до меня докатился ещё один приказ:

– Слушай и запоминай!

Голос, отдавший это распоряжение, изменился: стал жёстче, чётче и больше не укутывал меня теплом и уютом. Теперь он размеренно отбивал ритм, словно встроенный внутри меня, невидимый глазу метроном.

– Рядом с тобой два Короля, Синеглазка, но лишь один из них желает тебе добра. Запомни, душа Короля Червей – черна как ночь!

Я снова качнула головой, пытаюсь избавиться от назойливого «счетчика». «Метроном» вдруг стих, и мне показалось, что где-то совсем рядом зажурчал ручей. Я не могла понять, откуда тот взялся в сквере, да ещё и зимой, но сосредоточиться на этой мысли мне не удалось.

– Король Треф благороден. Именно он – твоя судьба.

– Он любит гранатовый сок, – то ли спросила, то ли сообщила я Голос.

– Верно, – одобрительно заметил Он и продолжил вещать дальше: – Опасность в том, что Король Треф будет видеть в тебе другую. – сквозь монотонное журчание ручейка пробивалось Его звучание: такое отчетливое, навязчивое, с глубоким грудным оттенком. Я сжала кулаки и медленно моргнула, сделав ещё одну попытку избавиться от наваждения.

Пухлые губы напротив снова изогнулись в ироничной усмешке:

– Не сопротивляйся мне, Синеглазка. Слушай и запоминай. Постарайся, чтобы Король Треф разглядел тебя настоящую. Это важно. Тогда будешь жить.

Голос незнакомки вдруг стал нечётким, едва различимым.

– Буду жить? – переспросила я, ничего не понимая. И услышала в ответ:

– Да. Стоит вопрос о жизни и смерти.

– Чьей?.. – спросила я, но ответа так и не получила.

Последнее, что мне удалось расслышать, было: «Берегись человека с каменным лицом».

Почувствовав, что странное притяжение резко ослабло, я устало прикрыла веки, а когда разлепила их, мерцающее пятно перед глазами уже рассеялось. Меня встряхнули за плечи, и знакомый голос приказал:

– Отомри!

Шум мегаполиса ураганом ворвался в уши. Я окончательно пришла в себя, осмотрелась по сторонам и пролепетала:

– Где она, Миш?

– Кто?

– Женщина... Тут стояла...

– Какая женщина?

– Ну... Король Треф... Король Червей...

– Ты чё несёшь-то, Кать? Не было здесь никого. Одна ты стояла.

В ровном голосе однокурсника проскользнул легкий намёк на раздражение. Что ж, хоть какая-то эмоция. Обычно Новиков похож на айсберг. Громадный, благо – рост позволяет, холодный и невозмутимый.

Он выхватил шапку у меня из рук и натянул на мои озябшие уши – и только тогда я поняла, что, выбежав из общаги, совсем забыла ее надеть. А капюшон, который я, видимо, машинально накинула на голову – давно слетел. ТО, насколько я озябла, теперь чувствовалось по резкой боли, пронзившей пальцы, стоило однокурснику выдернуть из них моего пушистика. Именно так я привыкла называть шапку, которую связала Полина, заменившая мне маму, если, конечно, маму вообще можно заменить... Как бы то ни было, но она очень старалась.

– Как же никого не было, Миш? Я же с ней говорила, – пролепетала я дрожащими от холода губами.

– Задубела совсем, – ответил он и велел: – Вперед! Семь минут до начала представления. Не будем огорчать Аннушку.

– Оставь её в покое, Миш, – в который раз попросила я.

И получила привычный ответ:

– Не лезь не в своё дело!

Меня обхватили за талию и потянули ко входу в Альма-матер. При других обстоятельствах я бы не позволила нарушение личных границ, но сейчас была благодарна Новикову за поддержку.

Глава 2 Неожиданное предложение

Прозвенел звонок с последней пары, и все ринулись из аудитории. Сквозь громогласную толпу студентов пробраться было совсем непросто: в час пик все мы, как по команде, приступаем к выполнению квеста «Будь первым гардероба».

С телефоном у уха я лавировала в плотном потоке и была уже почти у цели, как почувствовала цепкий захват за плечо.

– Стой! – скомандовал Новиков.

– Извините, но сегодня я никак не успею. Позвольте пропустить тренировку, – попросила я тренера по телефону и в шуме едва расслышала его ответ. – Хорошо, спасибо.

Парни, стоявшие у гардеробной стойки, расступились, как по команде, и пропустили нас с Мишей вперёд. Я протянула номерок гардеробщику и, дёрнув плечом, попросила:

– Отпусти уже, догнал же. Больно.

– Прости, не рассчитал, – спохватился он.

Моё онемевшее плечо, наконец, получило вольную.

– Куда летишь?

– Хочу сделать несколько кадров, пока светло. До выставки времени — всего ничего, а с материалом – не густо.

– Опять эта выставка, – недовольно пробурчал однокурсник и слегка поджал губы.

– Я, кажется, тебе говорила...

– Да в курсе я этой бредовой идеи! – чуть повысил он голос.

– Почему бредовой? – не поняла я.

– Потому что сессия на носу, а ты носишься с этой камерой, как курица с яйцом.

– Я куратору слово дала, Миш. И потом: выставка же пройдет после сессии. – Но готовиться-то нужно уже сейчас. Собственными же руками рушишь себе возможность успешно закрыть семестр.

«Ну вот, опять учит меня жизни. Будто мне деда мало...» – мысленно пробурчала я. А ему ответила:

– Я все рассчитала, Миш. Справлюсь, если буду тратить на фотосъёмку не больше двух часов в день.

– А, ну да, ты ж у нас уникам. Один раз прочтёшь материал – и «в дамках». Не то, что мы, простые смертные.

– Ну вот, опять начинается, – вздохнула я и услышала:

– Ладно, оставим это...

Мою память называют фотографической. Мне достаточно один раз прочитать материал, и он укладывается у меня в голове. Бывают, конечно, исключения, но крайне редко: если в тексте, например, встречается много незнакомых терминов, то приходится его перечитывать. На занятиях я мысленно вывожу изученный материал в пространство перед глазами, словно на большой экран, и выдёргиваю из него нужную мне в данный момент информацию. Выглядит это примерно так: Я мысленно посылаю себе команду «Катя, текст!» и перед глазами начинают проявляться буквы. Они тут же собираются в слова; слова выстраиваются в предложения, а предложения – в текст, который я читала накануне, готовясь к занятию.

Миша не может понять, как это у меня получается. Ему трудно смириться с тем, что на изучение темы у него уходит гораздо больше времени, чем у меня. Это его напрягает. Интересно, когда-нибудь настанет день, когда он перестанет ставить это мне в укор?

– Куда он запропастился? – снова послышался его голос.

– Кто? – уточнила я, коснувшись стойки гардероба, у которой мы стояли.

– Да «перец» с твоими шмотками.

– Сейчас придёт, не волнуйся. Он же и твои должен захватить.

– Нет, только твои. Я задержусь. С зачётом надо разобраться.

– А вот и он! Подожди, ты же уже был на пересдаче! – удивилась я, принимая дублёнку у гардеробщика.

– Был, но Аннушка решила сыграть в принципиальность. – пробасил Новиков, лениво растягивая слова. – Зануда...

– Что-то ты не очень расстроен, – заметила я, подмигнув. – Выглядишь, как кот у миски со сметаной.

– Люблю, когда кидают вызов. И всегда его принимаю, – поделился он, пожав плечами, и выхватил дубленку у меня из рук.

Пробраться к подоконнику было совсем непросто, но однокурсник как танк шёл вперёд, и все, кто оказывался у нас на пути, просто расступались.

– А может никаких вызовов Аннушка тебе не бросала? Может, ты ее неправильно понял? – предположила я, взглянув на его прямой профиль. Но умолкла, заметив, как дернулся желвак на будто фигурно слепленной скуле. Я уже поняла, что этого человека разубеждать в чем-либо – бесполезно, но попыток своих не оставляла, считая неразумным конфликтовать с преподавателем.

Аннушкой Новиков называл нашего преподавателя по микробиологии – Анну Петровну Голубеву. Как-то на лекции, ещё в сентябре, между ними разгорелся спор, суть которого никто уже и не вспомнил бы, но противостояние этих двоих с того дня только нарастало. За прошедшие несколько месяцев Михаил ни разу не упустил случая хоть как-то ущипнуть Аннушку. Фигурально, конечно. К слову, и она в долгу не оставалась, стремясь поставить на место «студента с раздутым ЧСВ».

Так повелось, что многие из потока посещали «Микрошу» исключительно для того, чтобы развлечься их перепалкой. Чем всё закончится, было не до конца ясно, но иногда мне казалось, что до точки кипения оставался всего шаг.

Мишин голос выдернул меня из размышлений:

– Прикинь, она согласилась уделить мне всего десять минут своего драгоценного времени!

– Думаешь не успеть ответить?

– Она же слова лишнего мне не дает вставить!

– А ты лишнего и не вставляй. Отвечай по существу.

– Поучи ещё!

– Просто посоветовала... Извини... Не расстраивайся, у тебя всё получится.

– Да не расстраиваюсь я. Просто констатирую факт. И обязательно уложу её на лопатки!

– В каком смысле? – спросила я, пытаюсь уловить подсказку на его, скупом на эмоции лице.

– Считай, что в фигуральном, – усмехнулся он. И многозначительно протянул: – Хотяяя... Как пойдёт, кароч.

– Неужели тебе нравится эта война, Миш?

– Тонизирует, – бросил он, слегка склонив голову. И я заметила, как азартно блеснули его выразительные карие глаза.

«Интересно, «она» – это война или сама Аннушка?» – задумалась я. Но уточнять – не стала.

– Ладно, пойду я. Встретимся вечером в ресторане. Ты же не забыл?

– Помню. Постараюсь быть вовремя. Но, если что, начинайте без меня. На мгновение его лицо приобрело какое-то двусмысленное выражение. Губы вытянулись ниточкой, упрямый подбородок чуть напрягся и выдался вперёд. В глазах заплясали чертенята. Новиков явно что-то задумал. Похоже, что-то провокационное.

– Попробую уговорить это Светило на бонус. – Он задорно подмигнул, подтвердив мою догадку.

– Может, не стоит усложнять?

– Поздно. Она не оставила мне выбора.

«Может, стоит пойти с ним?» – проскользнула было беспокойная мысль.

Что-то мне подсказывало, что наш преподаватель рискует попасть впросак.

«Не имей привычки вступать в то, что тебя не касается!» – вспомнилось предостережение деда, и я решила ограничиться советом:

– Не переборщи, пожалуйста, ладно.

– Как пойдет... Что, и ни капельки не ревнуешь?

– С чего вдруг? – ответила я, пожав плечами.

– Что ты там возишься? – резко сменил он тему. – Давай помогу!

За разговором мы добрались до окна. Водрузив свой рюкзак на подоконник, я тормошила дублёнку в поисках шапки. Утром засунула её в рукав, но...

– Шапка куда-то подевалась... Выпала, что ли...

– Жди здесь, растяпа, – кинул в ответ Новиков, вздёрнув бровь, и направился к гардеробу.

Я с досадой вздохнула и выглянула в окно. Погода менялась. Снежинки теперь бойче водили хороводы. С «оживших» на ветру ветвей деревьев кое-где осыпался снег. У земли поднималась подзёмка. Похоже, занималась метель.

«Ну ничего, как раз сделаю несколько «живых» кадров», – успокаивала я себя.

В моей новой, насыщенной бесконечными событиями студенческой жизни так не хватало привычной за прошлые годы размеренности. Хобби с фотографией я пыталась это компенсировать. Когда я беру в руки фотокамеру, моя жизнь будто снова становилась прежней – уравновешенной, неторопливой, без постоянно мелькающих перед глазами, по большей части – незнакомых мне людей, как в Универе, так и в общежитии; без громко звучащей вечерами, а иногда даже ночами музыкой и смехом, нередко сотрясающим стены соседних с нашей комнат.

Да, занятие фотографией очень помогало отвлечься от суеты. Я часто представляла себе, как закончу снимать виды и вернусь домой – в уют своей комнаты, под крылышко к Полине, нашей бессменной помощницы по хозяйству. А она сытно накормит меня вкуснейшим ужином, напоит ароматным травяным чаем и уложит в постель, неизменно пахнущую лавандой.

Над ухом раздался негромкий приказ: «Отомри!»

Мою потеряшку водрузили на подоконник, подхватили с него дублёнку и ловко помогли её надеть.

– Смотри, Миш, как погода меняется. Правда, впечатляет? Волнительно, да?

– Всё, как обычно – промозглая московская стужа, – равнодушно заметил он, бросив в окно мимолетный взгляд.

– Совсем не романтик, – скорее себе, чем ему напомнила я. – Иди, а то опоздаешь. Сама застегнись...

– Сам, – категорично заявил он.

– Что ты со мной, как с маленькой? – смущённо проговорила я.

Его опека временами казалась мне навязчивой.

– А как иначе? Зависнешь тут на полчаса, пялясь в окно.

– Любуясь, – поправила я.

– Не понимаю, зачем ты выбрала медицину? Не твоё это.

– С чего ты взял? Сколько себя помню, всегда мечтала стать врачом. Как мама и дед.

– Тебе стопудово надо было в «художку» поступать! Пациент же кони двинет, пока ты будешь его кишками любоваться. Ну или штопать его... художественно.

– Ну, зачем ты так? Не передёргивай! – возмутилась я. И, отступив на шаг, взялась сама застегивать молнию на дублёнке. – Плохо ты меня знаешь, Михаил.

– Ну вот, сразу и Михаил, – вздохнул он и заявил: – Меня напрягает твоя манера обижаться на правду, Котёнок. Пустая привычка. Отвыкай.

«Не люблю, когда он меня так называет», – мысленно пробурчала я, ещё раз напомнив себе ему об этом сказать.

– Ладно, оставим этот бессмысленный разговор, – не стала я усложнять и без того непростую обстановку.

– Почему бессмысленный?

– Потому что для тебя существует только два мнения: твоё и неправильное. «Зависнуть», как ты говоришь, я могу только, когда брожу по городу с камерой. Когда отдыхаю, понимаешь? И ещё: аккуратно наложенный шов будет пациенту только в радость.

– Конечно, он будет благодарен! – рассмеялся мой, не всегда деликатный собеседник. И добавил: – Если выживет...

– Вот к чему сейчас этот чёрный юмор, Миш? Не понимаю...

– Ладно, успокойся. Просто ты – непробиваемая эстетка, дорогая. Эта твоя возвышенность – с явным перебором, понимаешь? В общем, дед воспитал из тебя эксклюзивный экземпляр тургеневской барышни. Зачем – непонятно, но мне на руку.

– Что значит «на руку», Миш?

– Легче направлять.

– Направлять? – удивилась я, – Куда?

– В нужное русло, Котёнок. И это огромный плюс для моей будущей жены.

– Что? Жены?.. – шокировано прошептала я, почувствовав, как собственные глаза стремительно полезли на лоб.

Но собеседник мой не спешил с разъяснениями. Он пристально взглянул на меня и на пару мгновений задумался.

– Ты ... ты мне так предложение, что ли, делаешь, Миш? – уточнила я и замерла в ожидании ответа, как партизан в засаде.

Должно быть, мы выглядели странно. Двое у окна: она зависла, словно в стоп-кадре, а он цепкими пальцами сосредоточенно толкал вверх собачку на молнии её дублёнки.

– Отомри и не опережай событий, – наконец удостоили меня ответом.

И я с облегчением выдохнула, поймав задумчивый взгляд однокурсника. – Ты... ты же понимаешь, что это... рано, Миш, правда? – всё-таки решилась я уточнить.

Новиков не ответил, лишь посмотрел куда-то поверх меня и что-то тихо пробурчал. Я оглянулась и, проследив за его взглядом, заметила нашу сокурсницу – Надю Соболеву, невысокую блондинку с приклеенной к пухлым губам улыбкой и томным взглядом выразительных глаз.

Я слышала, что ей нравится Новиков. Она ходила за ним по пятам, а меня, видимо, считала помехой на пути к своему счастью, если судить по недовольным взглядам, которыми время от времени она меня одаривала.

– Э... Ладно, мне пора, Миш. Спасибо, что шапку мою нашёл!

– Дай ее сюда! Натяну тебе на уши, а то опять забудешь.

– Не надо. Я сама. Надену, как выйду на улицу, – торжественно пообещала я.

– Хозяин – барин, – ответили мне, – Схватишь простуду – на меня не рассчитывай. Нянькой у твоей постели не буду.

– Не волнуйся, не заболею. Соболева тебя ждёт?

– Навязалась в группу поддержки, – нехотя ответил Миша. И добавил, нахмутив лоб: – Её общество мне сейчас ни к чему...

Вокруг моей шеи несколько раз обернули шарф, окинули результат критическим взглядом и вынесли вердикт:

– Сойдет. Иди. Долго не броди – снегом занесёт.

– Не занесёт, не волнуйся, – ответила я и напомнила: – Ты всё же постарайся не опоздать в ресторан, ладно?

– Ладно, – негромко ответил он и стал пробираться к лестнице.

Соболева догнала его, он ей что-то сказал и растворился в толпе студентов, оставив девушку расстроенно стоять посреди холла. Я не услышала, что Новиков ей сказал, но сейчас она вела себя странно: словно получила приказ «Замри!» в игре про морскую фигуру.

Спешащие к выходу из Универа студенты обходили эту «морскую звезду» стороной, менее деликатные – задевали локтем, особо бесцеремонные – налетали, рискуя сбить с ног, но однокурсница ни на что не обращала внимания.

Я направилась было к ней, но меня опередила наша Аннушка. Она подошла к Соболевой, приобняла её за плечи и, «оживив», увела с собой.

Глава 3 Предвестник перемен

Я вышла из Универа и задумчиво побрела к скверу.

«Эксклюзивный экземпляр тургеневской барышни... Легче направлять... Не торопи события...» – вертелось в голове.

«Он что, собрался жениться? На мне? – недоумевала я, – С чего вдруг-то? Мы же просто друзья».

Мы никогда не говорили с Новиковым на эту тему, и если честно, я с трудом представляла себя его женой. Нет, скорее так: я вообще с трудом представляла себя чьей-либо женой, ведь совсем недавно обрела долгожданную свободу и начала самостоятельную жизнь. А тут что – снова тотальный контроль, но теперь уже от мужа? А то, что Миша будет следить за каждым моим шагом, я не сомневалась. Характер у него такой.

«Ладно, обдумаю это позже».

Нужно было отвлечься, и моя подружка – фотокамера, летний подарок деда на совершеннолетие, как всегда, пришла мне на помощь.

Сквер сегодня был особенно хорош! Я шла вдоль центральной аллеи, любовалась её девственной чистотой и снимала всё подряд: утопающие в снегу кусты и скамейки, с промёрзшими на их поверхности капельками изморози; прохожих, спешащих по своим делам; птичек, щебечущих на ветках деревьев.

В лучах вдруг прорезавшего небосклон холодного солнца крупинки снежного наста весело отсвечивали яркими искорками. И каждая такая микровспышка в разы усиливалась в кадре. Неиссякаемый поток снежинок сыпался на землю словно из рога изобилия и улучшал мое настроение.

В объективе камеры с «навороченном» автофокусом был хорошо замечен кружевной узор каждой: объёмный, рельефный, лучистый.

Ветер усиливался и гнал позёмку по промозглому тротуару. Она словно ластиком вмиг стирала следы редких прохожих, иногда коварно оголяя наледь на тротуарной плитке. В кадре я удерживала внимание и на ней, чтобы вовремя обходить опасные участки и не растянуться на тротуаре, не дай бог, повредив полюбившийся подарок деда.

Утренняя встреча с дамой, которую я в шутку окрестила «Предсказательницей», теперь виделась мне совершенно несущественной. А сами те «предсказания» – представлялись не более, чем ее экзальтированной блажью.

«Бывает, – успокоила я себя окончательно, – Люди – разные, у каждого – свои тараканы в голове».

Вдали показалась дорога. Чувствительный фокус камеры ухватил стройные ряды машин, уже застревавших в предвечерней пробке. Я успела сделать всего пару кадров мерцающей в свете фар проезжей части, как «проснулся» мой сотовый. Из наушников полился звонкий голос подруги:

– Надеюсь, ты не забыла?

– Конечно, нет, Маш! Москва – Сити. 19.00. Забегу в общагу переодеться, и сразу к вам!

– Новиков с тобой?

– Нет, зачет сдаёт. Договорились встретиться на месте. Предупредил, что может опоздать.

Даже не представляешь, какая красота вокруг, Маш!

– Опять, что ли, с фотиком своим «зависаешь»? Опоздаешь же, Кать!

– Постараюсь быть вовремя. Твоя помолвка – святое.

– То-то же! – довольно рассмеялась Машка.

В кадре мелькнул чёрный как смоль внедорожник.

– Как чёрт из табакерки... – чуть слышно проговорила я.

- Что там у тебя?
- Машина несётся...
- На тебя, что ли? Пулей в сторону, слышишь!
- Не на меня, Маш, не волнуйся. По Пироговке мчится.
- Ясно. Значит в сквере тусуешься.
- Выставка скоро. Набираю материал... Хочу заснять его полёт...
- Не поняла, чей полёт?

– Полёт «летучего голландца», – задумчиво проговорила я, настраивая фокус объектива именно на черного монстра, на мой взгляд, выделявшегося на автостраде многим больше других «железных коней».

– Боже мой, какого ещё голландца, Кать?! – в ухе послышался возмущенный Машкин голос.

- Не мешай, Маш, он так летит, как Сверхновая... не успею поймать... – пробормотала я.
- В общем, у тебя час на ловлю этого чуда, поняла! Не больше, слышишь!
- Да какой час?.. Он сейчас исчезнет... Не волнуйся, успею...
- Ладно, – вздохнув, ответила моя собеседница. И привычно распорядилась: – Будь на связи, слышишь!

– Буду, Маш, не волнуйся...

В ухе раздалась пара коротких гудков и смарт «уснул».

С Марьей – большой любительницей туфель на каблуке, платьев-футляров телесных оттенков и элегантных шляпок, я познакомилась в августе этого года. Она считала себя заядлым театралом и шляпки, как я потом поняла, были ее великой слабостью. Впервые мы встретились в день моего заселения в общежитие, после выигранного мной спора с дедом по поводу самостоятельного проживания. По счастливому совпадению Марья стала моей соседкой по комнате и в тот вечер собиралась в театр. Её элегантный лук навсегда врезался в память и закрепил за моей новой знакомой статус иконы стиля в моих глазах.

На вечер у Марьи был запланирован поход на «Анну Каренину». По этому случаю и шлифовался образ светской львицы тех времён. Он был мастерски обыгран в закрытом платье, тёплого тёмно-бежевого оттенка, мягко облегающем изгибы стройной фигуры, и аккуратной шляпке на тон светлее, прикреплённой к волосам невидимками. Толику эксцентричности кокетке придавал экстравагантный хвост из чернобурки, смело и провокационно накинутый на плечи. Удивило, что она объяснила свой выбор с чисто практической точки зрения.

«Вот уж совсем не улыбается задубеть под кондёром, как в прошлый раз», – заявила она тогда, вынудив сопровождавшего меня дедушку внутренне напрячься и едва заметно поджать губы при словах «кондёр» и «задубеть».

Марья заметила это и, видимо, решила впечатлить нас широтой своего кругозора:

«Сегодня меня ждет «Большой»! Бывала там? – поинтересовалась она у меня легким светским тоном.

«Нет», – с сожалением призналась тогда я.

«Не расстраивайся, – успокоила она меня со всей сердечностью, на которую, видимо, была способна. И продолжила: – Поверь мне: балет – это нечто! Моя бабуля – Агриппина Петровна – уверена, что каждый должен хотя бы раз в жизни увидеть балет воочию. И я с ней в этом полностью согласна. Когда ты наблюдаешь за действием из партера, тебя окутывает магия. Она рождается на сцене, и ты погружаешься в нее без остатка. Ты становишься полноправной участницей представления, представляешь! – Я молча кивнула. – Понимаешь, смотреть балет на экране – совсем не то. По поводу оперы – так же. В этом у нас с Агриппиной Петровной тоже полный консенсус во мнениях. Ты бывала в опере?»

«Нет», – ответила я.

«Не беда: всё поправимо. Время пришло! Обещаю стать твоим проводником в мир искусства! – искренне заверила она меня. И негромко продолжила: – Мы обязательно исправим эту... досадную недоработочку. Вы же не против, Даниил Сергеевич?»

«Не возражаю», – коротко откликнулся тогда дед на слова моей новой подруги, а я удивилась тому, что мы с ней встретились тогда впервые, а моя будущая соседка уже была в курсе того, как зовут дедушку.

«Сегодня мы с Александром – моим любимым человеком – решили оценить знаменитую совместную постановку Гамбургского балета, Большого театра и Национального балета Канады. – Продолжила делиться моя, потенциальная на тот момент подруга, – Я слышала, что Джон Ноймайер в «Анне» превзошел себя. Помимо того, что он – не лишенный таланта хореограф-постановщик, в «Карениной» он выступил ещё в нескольких ипостасях! Представляешь, он и автор либретто, и стенограф, и художник по свету и по костюмам. А в партитуре он связал произведения таких мастодонтов, как Чайковский, Стивенс, Шнитке. Говорят очень органично получилось. Мне просто не терпится это увидеть! Если послушать моих коллег, то талант Ноймайера поистине впечатляет! – Я снова молча кивнула. А она продолжила: – Коллеги поделились, что зрители просто утопили постановку в овациях. Группа трижды выходила на бис. Только представь – трижды! Впечатляющий успех, насколько я могла судить по их мнению. Так что, удержаться от соблазна пойти и лично убедиться в результатах творчества Ноймайера, как ты понимаешь, было выше моих сил. – Я опять утвердительно кивнула. А она тем временем делилась: – Мой любимый человек во всём поддерживает меня. У тебя есть любимый человек?»

«Нет», – не задумываясь ответила я.

«Не беда – всё у тебя впереди!» – подбодрила меня собеседница и заметила: – Главное – встретить родственную душу. Ты понимаешь, что это значит?»

«Полное единение, – ответила я, как на уроке. И развила мысль: —Когда понимаешь друга с полуслова. А иногда и слов не нужно – с одного взгляда понимаешь...»

«Верно. Это, как у нас с Александром. Молодец, хорошо сказала, – похвалили меня. И добавили: Я уверена: у тебя получится встретить именно такого человека. Ну, а Александр, как ты понимаешь, не мог не составить мне кампанию на «Анну». Он также хочет лично убедиться в успешности постановки. Понимаешь, мы не привыкли верить на слово и всегда стремимся увидеть собственными глазами, прежде чем сделать окончательные выводы. И хоть мнение Эдгара По, которого несколько лет назад я прочла запоем, немного разнится с привычным всем утверждением: «Не верь ушам своим – только глазам». В своей книге «Убийство на улице Морг» он пишет: «Ушам своим не верьте вовсе, а глазам – только наполовину». Читала?»

«Да», – сдержанно ответила я.

«Правда же, в книге есть здравые суждения?» – с улыбкой задала она следующий вопрос, а мое ощущение, будто нахожусь на занятии по Искусствоведению, – укрепилось.

«Поддержу», – с улыбкой ответила я

«В общем, сегодня мы идем на «Каренину». Надеюсь, у нас с Сашей случится симбиоз восприятия на слух, яркий зрительный образ, и ощущение душевного комфорта на уровне шестого чувства. Знаешь, что это?»

«Шестое чувство? – уточнила тогда и ответила, заметив ее легкий кивок: – Это интуиция».

«Да. Она. Одно из важнейших чувств, на мой взгляд. Ты так не считаешь?»

«Соглашусь с вашим мнением: прислушиваться к интуиции порой полезно. Жаль, что я не всегда это делаю», – с грустью ответила тогда я.

«Только не с «вашим», а с «твоим», пожалуйста. Предлагаю уйти от официоза. Я – не любитель усложнять. По рукам?»

«По рукам», – с улыбкой ответила я тогда и протянула свою ладонь для рукопожатия. Маша приняла ее и деликатно пожала.

«А по поводу того, что не всегда прислушиваешься к интуитивным звоночкам... Прости, я уловила нотки грусти, когда ты об этом сказала... Не грусти: всё приходит с опытом. В общем, я очень надеюсь, что нас в «Большом» сегодня ждет восторг, – деликатно сменила она тему, – Интуитивно это чувствую, понимаешь? Я – в предвкушении: до начала – уже менее трех часов: пора бы мне уже и крылышки отшлифовать. Скоро любимый заедет – надо поспешить», – азартно потирая ладошки, закончила она свой спич с навыками ораторского искусства.

Я решила было, что дедушка поднимется со стула, на котором восседал как король на троне, и мы покинем общество моей (на тот момент) новой знакомой, но он не спешил уходить.

«А что по поводу оперы, Марья Ивановна? – вдруг спросил дедушка, до того наблюдавший за нашей беседой молча. То, что он назвал мою новую знакомую по имени-отчеству – не стало для меня сюрпризом. Дедушка имеет привычку досконально изучать досье на всех, с кем мне разрешается общаться. Он и в тот раз не изменил себе.

– Наш с Сашей недавний поход на «Онегина», – негромко начала она и будто споткнулась на пару мгновений, а после продолжила: – «Онегин» вызвал искренний восторг. Несмотря ни на что... Опера покорила меня до мурашек: мощно, атмосферно и тоже талантливо! Настоящая «энциклопедия русской жизни». Именно так о ней отзываются и ведь – не поспоришь, верно? – обратилась Марья к дедушке, глядя ему прямо в глаза. Он неспешно кивнул в ответ, явно с ней соглашаясь.

Я заметила, что холодная сдержанность на лице моего строгого опекуна сменилась тогда хоть и не ярко выраженной, но все же заинтересованностью в интеллекте стоявшей перед ним девушки. По профессиональной привычке: составив для себя первое впечатление о внешности человека, именно на интеллект собеседника дед обращает особое внимание. Я заметила, что мой Даниил Сергеевич в конце беседы больше не поджимал губ, а поза, с которой он всё ещё восседал на стуле, больше не разила величиим с примесью холодной учтивости. Наблюдая за ним в те минуты, я поняла, что он смирился с моим ультиматумом проживать в общежитии: для него это стало непреложным фактом. И на нашу с Машей возможную дружбу он с той минуты смотрел уже с меньшим пессимизмом.

Мы с Марьей как-то сразу нашли общий язык, хоть она и старше на почти четыре года. Мария Ивановна Стоцкая – будущий психотерапевт и «моя личная пилюля от траблов», как она иногда себя шутя называет. Мне очень с ней повезло: почти не конфликтна, уверена в себе, рассудительна. Правда, бывает порой любопытна до чёртиков. К слову, это самая большая любительница тайн и авантур, которую я когда-либо встречала в жизни.

За нахлынувшим вдруг воспоминанием о нашем с Машей знакомстве я вышла к внешнему тротуару. Своего «летучего голландца» я интуитивно продолжала держать в кадре, словно на мушке – как бывалый охотник свою добычу.

«Назову это фото «Летучий Голландец» или «Летающий в ночи», – принялась я рассуждать в уме, – Надо продумать подачу... Это фото может стать жемчужиной моей коллекции на выставке. Если, конечно, удастся правдоподобно передать «полёт» объекта».

Удача явно была на моей стороне. Вдоль дороги, как по команде включились фонари. Их яркий свет заиграл на глянцевой поверхности «голландца». Объектив камеры усилил эти радужные переливы в разы, превращая ненадолго встрявшего в пробке торопыгу в сплошной светящийся сгусток энергии, парящий над белой гладью дороги.

Лишь матовые, совершенно непрозрачные окна объекта моей «охоты» казались мрачными «чёрными дырами» на его глянцевой поверхности. Но это лишь придавало «летучему» больше таинственности.

«А если подать его с фреймингом? – мысленно размышляла я, – Да, было бы неплохо... Чуть приподниму «голландца» над гладью дороги, добавлю под ним лёгкого снежного кружева

... Такой воздушный эффект кружевной паутины... А по верху... По верху – полукругом пущу ночное небо. Только надо будет добавить ему глубины! И чтоб без единой звёздочки! Получится эффект круга. А внутри него – «летучий» в свете прожекторов. Решено, сыграю на контрасте».

Чудо техники вынырнуло из пробки, полавировало в потоке своих собратьев и скрылось из виду.

Довольная собранным материалом, я развернула камеру на сквер и случайно поймала в кадр очень необычное лицо.

Глава 4 Каменнолицый

В стусившихся сумерках мне навстречу шёл мужчина. Заметив, что я веду его в кадре, он замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Статный, прямой, как шпала, холодный и совершенно неприступный – он теперь возвышался надо мной в своем длинном тёмном пальто с высоким воротником-стойкой, наглухо закрывающим шею. Объёмный вязанный шарф, подобранный в тон пальто, совсем ее не защищал, так как был повязан на значительном расстоянии. Зато шарф этот отлично прикрывал массивную грудь незнакомца и добавлял образу мрачной завершенности. Шапки на голове прохожего не наблюдалось вовсе. Это выглядело странным, потому что близился вечер, мороз крепчал и было довольно холодно.

В облике моего странного визави интуитивно ощущалась некая неестественность. Она настораживала меня. Чтобы определить, что именно пришлось мне не по нраву, я приблизила в кадре лицо мужчины и замерла в изумлении: вблизи оно выглядело абсолютно неподвижным, будто качественно исполненная маска. Оно поразило меня мрачностью, странной эмоциональной непроницаемостью и увиделось будто высеченным из камня.

Камера зафиксировала матовую бледность кожи и белые, зачёсанные назад волосы. Мужчина походил на альбиноса, но только на первый взгляд. Я навела резкости, присмотрелась и обнаружила редкие, почти незаметные в вечернем полумраке пряди каштанового оттенка. В молодости незнакомец был шатеном и наверняка привлекательным.

Лишь глаза на этом мертвенно-бледном лице оставались живыми. С расширенными угольно-чёрными зрачками они показались мне глубокими ледяными омутами. Вязкий взор манил, затягивая свои в мутные глубины, и я, видимо, и вовсе утонула бы в них, если бы не камера, которую как щит держала у самых глаз. В серых глубинах пронзительных очей, смотревших на меня в упор, жила душа – грешная, мятежная, опустошенная. Создавалось впечатление, будто их хозяину больше нечего было терять...

С вызовом глядя на меня, прохожий слегка прищурился и изогнул губы в ироничной усмешке. Лицо его приобрело насмешливо – презрительное выражение. Как будто он прочёл мои мысли и посмеивался над моим «щитом», считая его так себе защитой.

Мрачная харизма прохожего поразила настолько, что во мне вдруг проснулся азарт охотника и остро захотелось запечатлеть ее на камеру. Этот кадр, наравне с кадром «голландца», мог бы стать достойным дополнением моей фотоколлекции на выставке.

«Он видит камеру, но не выходит из кадра. Значит позирует мне и будет не против пары кадров на память», – безрассудно решила я и онемевшим от напряжения пальцем рискнула нажать на кнопку спуска. Раздался щелчок, и кадр пополнил мою фото копилку. Однако незнакомец вдруг напрягся всем телом, порывисто втянул носом воздух и сделал шаг мне навстречу.

Сердце мое болезненно сжалось и ухнуло вниз.

«Ему не понравилось! Что он сделает? Потребуется удалить кадр?» Я ждала, но продолжал хранить безмолвие. Он стоял, неестественно расставив ноги: одна позади другой, и будто готовился сделать ко мне ещё несколько шагов.

«Если подойдет – что сделает? Отнимет камеру? Разобьёт её?» – в страхе мысленно гадала я, через объектив камеры глядя прямо в глаза незнакомцу.

По тому, как мужчина прожигал меня взглядом холодной ненависти в ответ, стало ясно, что подобный исход мог бы стать вполне возможным.

«Бежать! Сейчас же! Как можно дальше!» – забилась в истерике моя интуиция, но как ни странно: я продолжала стоять как истукан не в состоянии двинуть ногой – мои ступни вмиг стали непослушными и словно примёрзли к тротуарной плитке.

К счастью, мой безмолвный собеседник не стал подходить ближе. Он остановился в паре-тройке шагов от меня и продолжил играть со мной в гляделки. Не знаю, как долго мы безмолвно

простояли друг напротив друга, но чем дольше он на меня смотрел, тем глубже я увязала в каком-то невидимом, но вязком, неудобном болоте.

Чувствительный фокус камеры улавливал все нюансы, и я заметила, что прищур глаз моего визави стал резче, радужка – почти свинцовой, а губы сжались в тонкую ниточку.

«Я недоволен. Очень!» – всем своим видом декларировал мне мужчина. Декларировал, не проронив ни слова.

Однако всем видом мне явно давали понять, что не позволят больше сделать ни кадра. Пальцы мои рук совсем озябли и будто превратились в хрупкие деревянные прутки. Тонкие, любимые перчатки, в которых всегда так удобно было держать аппарат, казалось, больше не защищали от стужи. Потому пальцы рук озябли настолько, что будто превратились в хрупкие деревянные прутки, ими стало сложно удерживать камеру у глаз.

«В рюкзаке должны быть варежки», – мелькнула успокаивающая мысль и тут же растворилась в окутавшем голову мареве.

Вдруг стало неестественно тихо и как-то тоскливо, словно колесо времени сначала замедлило ход, а после и вовсе остановилось.

Перед глазами, вместо лица человека с каменным лицом, вдруг возник океан. Он казался мне абсолютно настоящим. Меня вдруг окутал аромат морской свежести. Он окончательно погрузил меня в эту странную воображаемую реальность.

«Неужели я сплю и вижу сон?» – мысленно недоумевала я, глядя на бескрайние водные просторы, непонятно откуда взявшиеся пред моим взором. Ярко светило солнце. Поверхность воды отливала синевой и вовсе не была спокойной.

Внутренним взором, которым я обычно вижу тексты лекций, которые по своей же команде выуживаю из памяти на занятиях в Универе, я теперь наблюдала, как стою на берегу, у самой кромки воды. Щеки мои жалит мощным бризом. Похоже, начинается шторм: на глазах растут и вспениваются волны. Усилившийся вдруг ветер гонит их к берегу и, кажется, меня вот-вот смоем волной, но этого не происходит. Волны с диким рёвом обрушиваются на берег, но в мгновение ока просачиваются в рыхлый песок, буквально в шаге от носков моих туфелек. Ноги мои благодаря этой странности остаются сухими, и только шум прибоя неистово бьёт в уши.

В мгновение ока шторм вдруг стихает. Я всматриваюсь в горизонт. Он на глазах становится безоблачным и хорошо различимым. Я всматриваюсь в него и замечаю странное видение: в мою сторону плывёт нечто, очень смахивающее на бумажные фотографии, которые я недавно распечатывала для выставки. Одна, две, три... Их стремительно становится больше. Они приближаются будто проносятся перед моими глазами в медленном вальсе. Когда они подлетают совсем близко – я могу их рассмотреть: с них на меня смотрят лица родных. Некоторые «картинки» кажутся мне «живыми». Они представляются мне короткими видеороликами и показывают кадры из фильма о прошлом моей семьи.

Наблюдать всё это настолько необычно, что мой разум пытается бунтовать. Хочется пошевелиться, или хотя бы моргнуть, чтобы остановить «воспроизведение», но я почему-то не в состоянии этого сделать. Сейчас я – сторонний наблюдатель, у которого нет возможности что-то изменить.

Поэтому стою без движения и вижу, как образы проплывают перед глазами и уносятся вдаль.

Вот перед глазами проносится «фото», на котором проявляется далёкий, почти забытый облик мамы. За ним парит «снимок» с нечётким образом отца, затем – с лицом деда... В следующем «кадре» я вижу себя. Мне почти семь. Я играю с котёнком, которого подарил папа. Вот мы всей семьёй за праздничным столом отмечаем Новый Год. А вот блондин играет с папой в шахматы. Кто это? Не помню...

Мне становится жаль, что тех счастливых дней не повторить. Сердце сжимается от дикой тоски. Чувствую, как слёзы холодят щёки.

– Не надо, – то ли шепчу, то ли мысленно прошу я.

Неожиданно «проекция» гаснет. Шумно выдыхаю скопившийся в лёгких воздух и чувствую, как разрывается нить странного притяжения между мной тем, кто всё ещё стоит напротив. Обретя долгожданную свободу, снова резко втягиваю носом воздух и оживаю окончательно.

Как только в голове моей прояснилось, перед глазами снова возник сквер, а в уши хлынул шум улицы. Фотокамеры перед моими глазами больше не наблюдалось – она теперь болталась на ремне у груди.

«Когда я успела её опустить?» – пыталась вспомнить я, но у меня так и не получилось.

Станный прохожий всё ещё был рядом, но больше не обращал на меня никакого внимания. Теперь он неуклюже покачивался, опираясь на массивную трость, нещадно скользившую по промёрзшей тротуарной плитке.

«Почему я раньше её не заметила? Странно...», – мысленно недоумевала я.

Блестящая посеребрённая помощница, с агрессивно выпирающим на рукоятке клювом орла, видимо, совсем промёрзла и продолжала упорно скользить то вперед, то в сторону, раскачивая и утягивая хозяина за собой. Мужчина опасно накренился и всем телом оперся на выставленную вперёд, мелко подрагивающую в колене, ногу.

Казалось, он вот-вот упадет. Я ринулась было на помощь, но вспышка недовольства в стальных глубинах его усталых глаз меня остановила. Застыв на месте, я безмолвно наблюдала за неуклюжими попытками прохожего устоять на ногах.

Спустя какое-то время он нащупал тростью участок тротуара без наледи и бросил на меня ещё один предупреждающий взгляд, словно отдал немой приказ: «Не приближайся!»

Я медленно кивнула, соглашаясь с его немим указанием.

Найдя, наконец, точку опоры, мой визави распрямился во весь свой недюжинный рост, повернулся ко мне спиной и, чуть прихрамывая, пошёл прочь.

Я смотрела вслед удаляющейся фигуре. Мой недавний безмолвный собеседник слегка прихрамывал, но шел, горделиво расправив плечи и с прямой, как шпала, спиной. Он явно старался не сильно опираться на трость, видимо, – из опасения поскользнуться на снежной наледи. Я видела, каких усилий ему стоит шествовать по тротуару с таким горделивым достоинством.

«Поначалу он выглядел вполне себе бодро, а потом... Что же могло настолько выбить его из сил?» – задумалась было я, но звонок Маши меня отвлёк.

– Ты уже в общаге?

– Нет... В сквере. Тут такое...

– Что с голосом? Сонный какой-то. Промёрзла, что ли?

– Есть немного... Я такое лицо в кадр поймала, Маш. Станный тип...

– Станный? Ты меня пугаешь! Он ещё рядом?

– Уже ушёл... Он чуть не упал... Я хотела помочь, но он меня остановил.

– И правильно сделал! Нечего тебе подходить к странным типам! Что он сказал?

– Ничего... Просто смотрел на меня, а потом остановил, чтоб не подходила.

– Значит – что-то всё же сказал, – сделала вывод подруга.

– Нет, Маш. Взглядом остановил.

– Как это взглядом?

– Не знаю...

– Что-то мне всё это совсем не нравится. Пулей в общагу, слышишь! И чтоб выпила сладкого чая с лимоном!

– Лучше кофе...

– Ну, кофе, так кофе. Главное – горячего, поняла.

– Поняла ...

– Вот же, вечно ты попадаешь в передраги! Что за привычка бродить по городу как неприкаянная? Заканчивай с этим!

– Да ладно, брось! Что со мной может случиться в центре столицы?

– Ладно, об этом после поговорим. Время, Катюш! Рискнешь опоздать на «стрелку»!

– Не волнуйся, уже бегу.

Вновь почувствовав себя хозяйкой собственного тела, я сорвалась с места и понеслась, желая как можно быстрее оказаться подальше от места, ставшего вдруг таким неуютным.

«Это был обычный прохожий...» – твердила я как мантру, подбегая к пешеходному переходу. Но это совсем не помогало успокоиться. Потому что для обычного прохожего уделил мне слишком много внимания.

«Надо же, каким непростым выдался день: утром – предсказательница с королями, вечером – человек с каменным лицом...»

И чем дольше я над всем этим думала, тем меньше это казалось мне простым совпадением.

Глава 5 Не потерять самообладания

Меня сотрясало то ли от холода, то ли от недавнего контакта со странным прохожим. И снова, как и несколько месяцев назад, я чувствовала себя слабой и беспомощной. Ненавижу это гадкое состояние: на тебя вдруг наваливается дикое недовольство собой, недовольство и вина за то, что допустила все то, что случилось. Ты снова ищешь и снова никак не можешь найти ответов на два главных вопроса: «Почему это произошло именно с нами?» и «Как это могло произойти там, где мы всех знали с детства?»

Пытаясь найти зацепки к ответам на эти вопросы, ты снова в красках представляешь себе тот злосчастный вечер, разделивший жизни вас обеих на до и после. В панике, неизменно накрывающей тебя от этих воспоминаний, зацепок ты так и не находишь, лишь снова ощущаешь страх, беспомощность, дикую обиду на случившуюся несправедливость и, как следствие, – интуитивно стремишься как можно скорее оказаться в самом-пресамом безопасном месте. В идеале – дома, в тепле и уюте своей комнаты, но в данный момент сошла бы и комната в общежитии, к которой за полгода почти привыкла.

Волшебство зимней сказки, которым совсем недавно ты восхищалась, превращается в мелькающую перед глазами серую массу. Мелкие крупинки снега раздражающе бьют в лицо, а ты несешься по улице настолько быстро, насколько хватает сил. Несешься, совершенно не глядя под ноги. И ничего сейчас не способно отвлечь тебя от цели: ни скользкий тротуар, ни сорвавшийся вдруг ветер, ни настойчивое жужжание сотового.

«Скорее, скорее!» – мысленно подгоняешь ты себя, стремясь спрятаться за дверь своей комнаты. И очень сожалеешь о том, что ты не Бэтмен и не способна перемещаться в пространстве так же эффектно и быстро, как он.

Также ты понимаешь, что не можешь подвести подругу, а это значит, что ты просто обязана быть на праздновании её помолвки. И ты просто обязана оказаться там в хорошем настроении, несмотря на резко навалившуюся усталость и напроочь испорченное настроение. К тому же ты знаешь, что по-настоящему успокоишься только тогда, когда вы, наконец, встретитесь, и ты почувствуешь ее поддержку. Поддержку, которую подруга способна тебе подарить простым фактом своего присутствия рядом.

Ты залетаешь в комнату и действуешь на автопилоте: контрастный душ, выбор нужного платья, сражение со взбунтовавшимися волосами, легкий макияж. Цели перекусить ты себе даже не ставишь, хоть и маковой росинки после завтрака во рту не было.

А в мыслях и перед глазами навязчиво всплывает зыбкий образ того неподвижного лица, в которое ты совсем недавно всматривалась через объектив своей фотокамеры. И ты не можешь вытряхнуть этот образ из своей головы, как мусор из переполненного мусорного ведра. Вместо этого ты принимаешься машинально анализировать то, что с тобой только что произошло.

Дедушка с детства учил меня серьезно обдумывать любую нестандартную ситуацию, в которую я попадала. Обдумывать и непременно делиться с ним. Со временем это вошло в привычку. Вот и сейчас я пытаюсь выстроить крутившиеся в мыслях факты в связную логическую цепочку.

В памяти всплыло, как прохожий был недоволен тем, что я его сфотографировала.

«Недовольство его вполне объяснимо, – размышляла я, – даже если это случайный прохожий: кому понравится, когда его фотографируют без спроса? А разрешения я не спросила».

Но вспомнив свои странные видения с океаном и «фотографиями», пронесившимися над ним, я предположила, что мужчина мог быть как-то связан с моей семьей. Он был примерно одного возраста с дедом и, возможно, имел военное прошлое: несмотря на хромоту в Каменнолицем чувствовалась военная выправка.

«А если так, – сделала я вывод, – то они с дедом могли как-то пересекаться. Если моя догадка верна, то прохожий неспроста появился на моём пути. Мдааа... отдает паранойей... По наследству она, что ли, мне от деда передалась», – попыталась мысленно пошутить я, чтобы хоть немного снять напряжение.

Мысли мои хаотично перепрыгивали с одной на другую, словно воробьи, резво перескакивающие с ветки на ветку дерева, росшего прямо перед окном нашей с Марьей комнаты. Спешка только усугубляла сумбур в моей голове, ведь, даже не глядя на часы, я чувствовала, что опаздываю.

«Почему же незнакомец не настоял на удалении фото? – в который раз мысленно удивилась я, – «Засветился» – уничтожь компромат! Так действуют все фигуранты в моих любимых детективных историях. А он этого не сделал... Почему поступил так опрометчиво, ведь производит впечатление далеко не глупого человека? Человека, который точно знает, чего хочет. А если предположить, что он «засветился» умышленно?»

Мне вспомнился подслушанный летом разговор деда по телефону.

«Мог ли собеседником деда тогда быть Каменнолицый? Мог, но как же это теперь проверить? А почему незнакомец отверг мою помощь, когда поскользнулся? Думаю, тут всё просто: слабость в ногах, по всей видимости, стала неожиданной и для него самого, – пришла я к выводу, – и меньше всего гордец хотел, чтобы у его немощи появились свидетели».

Даже визуально было заметно, что у моего молчаливого собеседника имелись проблемы со здоровьем. Бледность лица, которую я назвала бы болезненной, какая-то внутренняя надломленность. К тому же трость настолько органично смотрелась в его руке, что казалась её продолжением.

«Похоже, она не один год помогает своему хозяину перемещаться, поэтому и стала с кистью его руки одним целым. Именно поэтому, видимо, я не сразу ее и заметила».

«Он не заводил со мной разговоров и держался на безопасном расстоянии. Значит, причинять вреда не собирался», – подал голос мой многострадальный инстинкт самосохранения.

«Ошибка!» – возмутилась моя подружка-интуиция и услужливо подкинула воспоминание непонятной прострации, в которой какое-то время назад я пребывала.

«Значит, нападение всё-таки состоялось, правда, не физическое, а ... на ментальном уровне, что ли», – напрашивался очевидный вывод.

Необычный взгляд незнакомца имел какую-то странную силу. Он будто подталкивал меня к воображаемой пропасти, у самой кромки которой я себя ощутила под магией неестественно широких, угольно-чёрных зрачков его глаз.

В общем, мои размышления оставили больше вопросов, чем ответов. Отчаянно не хватало вводных, как любит говаривать дед.

Послышалось настойчивое жужжание смарта. Оставив очередную попытку застегнуть молнию на платье, которое выбрала для ужина в ресторане, я подбежала к телефону.

– Ну, где ты ходишь? Почему трубку не берёшь?

– Я ещё в общаге, Маш.

– Как?! Ну, ладно... Согрелась? Кофе выпила?

– Не успела. Но душ приняла. Скоро выхожу. Только вот платье застегну...

– Какое?

– Ну, то новое – кремовое, помнишь?

– У которого молния на пол спины, что ли?

– Да. До середины застегнула, а дальше – никак.

– Надень другое! – распорядилась она, – Времени нет! Опаздываешь!

– Хочу это, – пробормотала я и, поставив смарт на громкую связь, снова взялась аккуратно тянуть за бегунок на молнии.

– Что значит «хочу», Кать! Как ребёнок, честное слово! Вот же настырная! Ты даже Михаила своего с его опозданием переплюнула!

– Не ворчи, пожалуйста, Маш, тебе не идёт. К тому же снять его уже не получится, легче застегнуть до конца. Миша, значит, уже с вами?

– Угу, минут десять как. Сидит хмурый, как сыч.

– Недоволен, – вздохнула я.

– Ну а кому понравится, Катюш? Давай быстрее, только тебя ждём.

– Прости...

Не зная, куда девать глаза от стыда, я отвела их от сотового и взглянула на письменный стол и радостно воскликнула:

– Эврика! Ручка!

– Чего?! – удивленно воскликнула подруга, – Какая ещё ручка, Кать? Зачем она тебе сейчас? Завещание, что ли, писать собралась?

– Шариковая, Маш, ша-ри-ко-ва-я! Завещание? Ты о чём?

– Да о том, что Новиков уже на пределе. Ещё чуть-чуть и сделает тебе харакири. – смеясь ответила подруга.

– Не сделает, – усмехнулась я. – Харакири только себе можно сделать, Маш. Ладно, не мешай.

– В любом правиле бывают исключения, – смеясь ответила подруга, – Подожди, а ручка-то тебе зачем?

– Чтобы платье застегнуть, зачем же ещё!

– Не поняла?

– Короче, вставлю её в замочную скважину. Собачку молнии насажу на стержень и плавно опущусь к полу. Всё! В одном фильме видела.

– Ну и затейница ты, как сказала бы моя бабуля, – уже вовсю смеялась Марья, – А если не получится? Платье ведь можешь испортить, Кать.

– Постараюсь, чтобы получилось. Другого выхода-то всё равно нет. Не пойду же я в незастёгнутом платье. Ладно, не мешай. Скоро буду!

– Вот ведь неугомонная! Очень рада, что голос у тебя уже не такой странный, как час назад. Смотри платье не испорти, – смеясь, ответила Машка и отключилась.

Эксперимент с молнией прошёл на ура. К тому же: «сражение» с замком платья отвлекло от тревожных мыслей, а разговор с подругой и предвкушение праздничного ужина улучшили настроение. Через несколько минут я уже ехала на помолвку подруги в одну из башен Делового Центра.

Глава 6 Форс-мажор и гранатовый сок

Опаздываю! Боже мой, опять – двадцать пять!

«Ещё немного – и опоздания станут твоей визитной карточкой, Катя!» – мысленно укорила я себя.

Появление этой неприятной тенденции совпало с началом учебного года. Новое место учебы, новые лица вокруг, новые впечатления – всё было так непохоже на мою прежнюю размеренную жизнь, большая часть которой проходила за высокими стенами нашего дома.

Но недавно я поняла, что дело не только в этом. Дело было ещё и в Мише – Михаиле Новикове, в объятья которого, спускаясь по лестнице, я так неуклюже свалилась в самом начале сентября.

Сначала Новиков мне понравился. Уверенность в себе, с которой он умел держаться на людях, подкупала. Авторитарность и покровительственный тон были мне привычны с детства. А эрудированность моего нового знакомого стала приятным бонусом. В начале наших «отношений» все эти качества и помогли нам найти общий язык.

Но постепенно я стала замечать, что настроение Михаила способно меняться, как узоры в калейдоскопе: стремительно и абсолютно непредсказуемо. В обществе однокурсников и преподавателей он продолжал оставаться «айсбергом» – холодным, невозмутимым и очень рассудительным. А вот наедине со мной стал иногда позволять себе молниеносные вспышки гнева. Редкие, но всё же... Похоже, что внешняя невозмутимость была лишь маской, под которой он скрывал перепады своего настроения, считая их, видимо, чем-то скверным, недопустимым на людях.

И чем дольше мы общались, тем чаще я стала замечать за своим новым приятелем эти эмоциональные качели. Мне даже стало казаться, что в последнее время Михаилу стало сложнее их контролировать. К примеру, сегодня у гардероба он не смог взять под контроль всплеск недовольства и не рассчитал силу, с которой ухватился за моё плечо.

А чего стоит эта его манера резко перескакивать с темы на тему! Утром по пути в аудиторию он читал нотацию относительно моей несобранности и чего-то там ещё, и вдруг заявил: «В следующую субботу мы идём в клуб». Какой ещё клуб? С чего вдруг? Но спросить я ничего не успела, прозвенел звонок.

Сам Миша объясняет эту способность резко менять тему разговора гибкостью своего неординарного мышления, которое я непременно должна ценить. А недавно он вообще заявил, что мы проводим вместе слишком мало времени и нужно «переходить на новый уровень». Просто погулять после занятий и посидеть в ближайшей кафешке ему уже недостаточно.

Мне, наверное, стоит порадоваться тому, что из всех моих многочисленных сокурсниц Михаил одарил вниманием именно меня, но... После каждой нашей встречи мне теперь требуется всё больше времени на то, чтобы войти в зону комфорта, как любит говорить Маша. Поэтому я и брожу по городу с камерой. Хобби даёт классную возможность отвлечься и побыть наедине с собой. Думаю, что мои опоздания – это побочный эффект: если что-то захватывает внимание целиком, я напрочь забываю о времени. Так было всегда, сколько себя помню.

Я добралась до Москва-Сити на такси, но всё же немного заблудилась и теперь пробираюсь ко входу сквозь ряды представительных авто на крытой парковке.

«Как же тебя сюда занесло? Можно же было зайти через центральный вход, Катя!» – мысленно возмущалась я, обходя очередную машину, как вдруг застыла на месте, заметив неподалёку «своего» «голландца». Каких-то пару часов назад я уделила ему столько внимания, что не спутала бы ни с каким другим «железным конем».

– Ну, а где ж ему быть, если не на парковке главного делового центра столицы? – кивнув собственной догадке, пробормотала я и вошла в холл центра.

Тут было многолюдно. Одетые по большей части в деловом стиле посетители сдавали верхнюю одежду в гардероб и направлялись к лифтам. Я сделала так же и теперь летела вверх в просторной стеклянной кабине. Лифт плавно притормозил на нужном мне этаже и остановился. Я двинулась к бесшумно разъезжающимся дверям, но выйти не успела. Любимая заколка надрывно щелкнула и отскочила на пол. Получив долгожданную свободу, мои капризные локоны резво спружинили и рассыпались по спине и плечам. Обречённо вздохнув и по детской привычке дунув на прядку, упавшую на лицо, я подхватила с пола свою, так милую сердцу страдалицу и отправила ее в сумочку. В зеркальной поверхности стен отразился мой новый образ «Лев ушёл из дома». Я пятернёй пригладила волосы, вздохнула и взглянула на входящих.

– Так даже лучше, – успокоил меня один из вошедших в кабину. И доброжелательно улыбнулся. Его улыбка придавала мне уверенности.

Пожав плечами в стиле «что уж теперь сделаешь», я смущённо его поблагодарила и, подавив улыбку случайным зрителем своего досадного преображения, заспешила по широкому коридору.

Просторный зал ресторана встретил меня полнейшей идиллией. Все столики были заняты. Повсюду витали аппетитные запахи, велись негромкие беседы и слышался едва уловимый звон посуды.

Привычно отбросив назад непокорные локоны, я огляделась по сторонам в надежде найти знакомые лица среди элегантных посетителей. Но их не наблюдалось. Я немного занервничала и что-то неловко задела локтем.

Обернулась и наткнулась на расстроенное лицо официанта. Звон посыпавшихся с его подноса блюд был настолько оглушительно звонким, что пришлось прикрыть уши ладонями.

Когда всё стихло, я оторвала их от ушей, а свой шокированный взгляд – от алых клякс, растекающихся не только по мраморному полу, но и по подолу моего нового платья. Расстроенным взглядом зацепилась за запястье и заметила, что и оно утопает в россыпи пурпурных капелек, однако на мой электронный «Цербер» каким-то чудом не попало ни одной.

Несколько тёмно-красных «горошин» успело скатиться и на пол, отчетливо «нарисовав» извилистые дорожки на и без того «пятнистой» кисти моей руки.

На пару-тройку мгновений в зале повисла полнейшая тишина. Такая неудобная, она заставила меня нервно повести плечами и по привычке из стороны в сторону слегка качнуть головой.

Так бывает: некий форс-мажор, и ты в центре внимания... Не зная, как поступить и мечтая превратиться в невидимку, я «зависла» словно в стоп-кадре, с виноватым видом и выставленной перед собой рукой, согнутой в локте и вполне себе художественно забрызганной каплями. Крупные и мелкие, круглые и овальные, в большинстве своем они держались на запястье, будто приклеенные и выглядели объемными, замысловато выпуклыми алыми «пуговками». Консистенция напитка, который я опрокинула, была густой и вязкой, темно алой, чем-то похожей на гранатовый соус, который дедушка так любит добавлять к мясным блюдам. Кажется, он называется «нар шараб». При других обстоятельствах я бы даже сделала пару кадров этого живописного, как мне показалось, узора. Но сейчас...

Сейчас было совсем не до этого. Нестерпимо хотелось оказаться подальше от бесцеремонно любопытных глаз этого рафинированного общества, будто специально собравшегося в этом просторном зале, чтобы развлечься моим конфузом. Сейчас я бы всё отдала за возможность телепортироваться в тишину и покой своей уютной комнаты. Годами ведя по большей части обособленный образ жизни, я совсем не привыкла к столь неуёмному интересу посторонних к моей скромной персоне. Но сейчас, не зная, как поступить, вынуждена была стоять в эпицентре всего этого «непотребства», как сказал бы дедушка. Стоять и чувствовать себя

актрисой из погорелого театра, в напрочь испорченном платье, и ловить косые взгляды одетых с иголки завсегдатаев сего заведения.

Немного успокаивало лишь то, что умиротворённость на ухоженных лицах посетитель сменилась раздражением или бесцеремонным любопытством совсем ненадолго – лишь на несколько мгновений. Впрочем, даже они показались мне вечностью. Оглядев меня с головы до ног, большинство гостей потеряли интерес к неуклюжей нарушительнице их спокойствия. Большинство, но не все...

– Простите, – шокировано прошептала я стоявшему рядом официанту, краем глаза наблюдая, как по полу, промеж поблескивающих осколков хрустального бокала, растекались алые кляксы дорогого вина. – Я помогу убрать...

– Не стоит. Я всё сделаю сам. – учтиво ответил он.

– Простите, – снова взволновано пролепетала я. И снова застыла под пристальным взглядом мужчины средних лет.

«Кажется, ему уже за тридцать, – предположила я, – но не более сорока».

За столиком в центре зала, в кресле с удобной спинкой, посетитель этот восседал не один. Да-да, именно восседал: важно, уверенно, как настоящий хозяин жизни. Напротив него, спиной ко мне, расположилась дама с гладкими платиновыми волосами. Они покрывали ее прямую спину до самого пояса и почему-то напомнили мне занавесь из дорогого тонкого шёлка. Почувствовав, что за мной продолжают наблюдать, я отвлеклась от волос девушки и снова взглянула на ее спутника. Взглянула и внутренне сжалась под этим взглядом – острым, сканирующим, и удивлённым одновременно.

Впрочем, удивление гостя ресторана быстро сменилось задумчивостью. Словно его вдруг заставили решать неожиданно свалившийся на голову ребус. Девушка с платиновыми волосами что-то сказала ему, он ответил, но я чувствовала, что всё ещё нахожусь в зоне его внимания.

К моему плечу прикоснулись, и я отшатнулась как чёрт от ладана. Видимо, нервы были совсем на пределе.

– Извините, случайно задел, – послышался виноватый голос официанта.

– Ничего страшного, – едва слышно ответила я, не сводя глаз с мужчины за столом.

Он перекинулся со своей спутницей ещё парой реплик и снова отдал мне всё свое внимание. Я тут же ощутила себя маленькой бандерложкой из мультика про Маугли, застывшей под цепким взглядом всемогущего Каа.

«Извините, бываю неловкой», – чуть пожав плечами, я безмолвно попросила у bruneta прощения за переполох, который устроила.

Рядом с посетителем, словно по мановению волшебной палочки, материализовался официант. Стоя по стойке смирно и виновато опустив голову, он что-то негромко ему говорил. Похоже, просил прощения.

«За что? За шум, который я устроила? Или... или я умудрилась опрокинуть поднос именно с его заказом? О господи, так и есть!» – мысленно ужаснулась я, как только перед мужчиной поставили бокал ровно с такой же рубиновой жидкостью.

Великодушно выслушивая сотрудника ресторана, brunet всё так же не сводил с меня глаз, а я... Я продолжала стоять посреди зала и смотреть на него. Настрой моего визави вдруг изменился: незнакомец больше не смотрел на меня ни шокировано, ни задумчиво. Теперь его взгляд стал завораживающе глубоким и требовательным.

«Он ждёт извинений именно от меня, – вдруг прилетела догадка в мою буйную головушку, – Наверное, я тоже должна к нему подойти?..» – рассудила я и окончательно смутилась.

Щёки уже обожгло огнем, колени стало потряхивать. Дежавю. Ситуация сейчас – один в один напоминала похожую из детства. Тогда в присутствии гостей, я опрокинула на себя целую тарелку с супом. По настоянию мамы я тогда должна была съесть всё до последней ложки, иначе осталась бы без любимого фисташкового мороженого на десерт, а вместо этого устроила

«грибной фейерверк», как его тогда окрестил дедушка. И если бы не тихое папино: «Не лишай девочку праздника, Оль», свой обожаемый десерт я бы так и не получила...

С чего-то вдруг мне отчаянно почудилось, что обладатель цепкого взгляда тоже присутствовал тогда среди гостей.

«Что за бред, Катя! Не параной!» – мысленно осекла я себя. Дотронулась до напряженных губ онемевшими от волнения подушечками пальцев, на пару мгновений прикрыла глаза, чтобы справиться со смятением, и провела ладонями по горящим щекам.

Затем снова взглянула на обрызганную вином руку. Зачем-то ткнула пальцем в самую крупную алую каплю, будто приклеенную к коже, и, попробовав её на вкус, удивлённо прошептала:

– Сок... гранатовый...

Сразу вспомнился сквер, женщина в норковой шубе и яркий узор шали на ее черной меховой глади. А в голове зазвучал ее тихий грудной голос: «Король Треф уже у тебя на пороге, Синеглазка. Ждёт... Томится... С бокалом гранатового сока...»

Глава 7 Марья Стоцкая вступает в игру

– Это вам машут?

Я вздрогнула от неожиданности, отвела взгляд от незнакомца за столом и взглянула на сотрудника ресторана, убравшего с пола осколки стекла.

– Где?

– Кажется, та девушка пытается привлечь ваше внимание. Видите дальний столик самого у окна?

Я взглянула в направлении, в котором он протянул руку и заметила своих.

– Да, спасибо.

Наш столик находился в самой глубине зала – на его уютных задворках. Там царил не такой яркий свет, как в центре. Он мягко оттенял сервировку стола и создавал атмосферу некоторой конфиденциальности. В затемнённом витражном окне, у которого находился стол, проглядывали светящиеся силуэты соседних башен Делового Центра. На этом футуристическом фоне восседали недовольно насупившийся Миша и улыбающийся Александр – жених Марии. Странно, что Миша решил так демонстративно выказать эмоции, тогда как обычно на людях он представлял в маске спокойствия и полной невозмутимости.

А навстречу мне уже шла счастливая Марья в элегантном терракотовом брючном костюме, с лёгким макияжем, подчёркивающим выразительность серо-зелёных глаз. Длинные волосы подруги были собраны в лёгкую ажурную причёску в греческом стиле. Виновница торжества приветливо улыбалась мне, несмотря на опоздание и на то, что, не успев войти, я стала возмутительницей спокойствия в этом рае для гурманов. В своих модельных туфельках на высоченном каблуке Маша шла как по подиуму, аккуратно обходя осколки хрусталя и винные кляксы вокруг меня.

– Ну, ты как? в порядке? – обеспокоенно спросила она, несильно сжав мои пальцы своими. – Выглядишь не айс.

Я виновато улыбнулась и пробормотала:

– Да... Прости... Немного задержалась...

– О, не волнуйся, я дам тебе шанс реабилитироваться, – шепнула она мне на ухо, заговорицки подмигнув. – Расскажешь о своих приключениях. Я в предвкушении, так и знай! Пойдём в уборную. Тебе надо привести себя в порядок.

– Было бы неплохо, – согласилась я, благодарно улыбнувшись. И добавила, взглянув на подол платья: – Хотя это вряд ли поможет. Похоже, я испортила платье.

– Платье, да – испортила, – ответила она, – но лицо и руки надо вымыть. Прошу прощения, где мы можем привести себя в порядок? – обратилась подруга к сотруднику ресторана, шустро водившему по полу вокруг нас турбо щёткой почти бесшумного пылесоса и словно ластиком стирая весь тот беспорядок, который я сотворила.

– Я как раз закончил. Пройдемте со мной, пожалуйста, я покажу. – ответил он, жестом пригласив нас следовать за ним.

Мария взглянула на Александра, тот понял её без слов и кивнул.

– Посмотри на меня, – велела подруга, едва за нами закрылась дверь служебного туалета. – Что это у тебя с лицом? Кровь носом шла, что ли?

– Да нет, это сок, Маш.

– Какой ещё сок?

– Гранатовый.

– Правда? Когда и где ты успела его выпить?

– Не я... Тот брюнет... Видимо, забрызгалась, когда поднос опрокинула.

– Не понимаю, с чего ты взяла, что это сок? Где логика? В разбитом фужере должно было быть вино.

– Не должно. Это мой любимый сок, Маш. Я узнаю его из тысячи. К тому же мне его сегодня нагадали, – объяснила я с лёгкой усмешкой.

– Нагадали?

Аккуратные брови Марьи удивленно взлетели вверх.

– Да, в сквере.

– Нагадали сок? Обычно мужика нагадывают, Кать.

– А мне нагадали и то и другое, – смеясь, ответила я. Подруга была рядом, и мое настроение улучшалось на глазах. – Это точно был сок. Я слизнула капельку на ладони.

– Слизнула? Зачем? – Спросила она, продолжая аккуратно промокать мне щеки влажной салфеткой.

– Даже не знаю... Тот бржнет... В общем, мне надо было как-то отвлечься от его взгляда...

– Странный способ отвлечься, – усмехнулась подруга. – Ты о том наглеце, который в гляделки с тобой играл?

– Угу, ты заметила, да?

– Сложно было не заметить. Он будто приведение увидел. Кстати, его благоверная тоже заметила. И лососем своим подавилась!

– Не преувеличивай, Маш.

– И не думала! Я собственными глазами видела, как он у нее в горле застрял.

– Не обратила внимания, – вздохнув, заметила я.

– Так она к тебе спиной сидела. Впрочем, в последнее время ты вообще мало что замечаешь. Рассеянной стала. Замкнутой. Вся в себе, как лягушонка в коробчонке. Не нравится мне это, Кать, – сетовала Марья, орудуя салфеткой по моему подбородку.

– Сама себе удивляюсь...

– Надо с этим что-то делать.

– А что тут сделаешь? Вот сессию сдам, а там посмотрим.

– При чем тут сессия? Убери раздражитель – и живи спокойно.

– Сначала нужно его определить, док, – рассмеялась я.

– Он известен! – заявила подруга со всей уверенностью, на которую была способна.

– Известен? Может, тогда поделишься.

– Замри и посмотри наверх! – деловито велела она. И объяснила: – Уберу каплю под нижним веком.

– Дай, я сама.

– Не вертись и смотри вверх. Ну вот, готово. Осталось припудрить носик. Пудру захватила?

– Да, сейчас... – ответила я, открыв сумочку.

– Так вот, я почти уверена, что всё дело в Новикове. Предполагаю, он давит на тебя. А ты сопротивляешься. Подсознательно. Но окончательный вердикт вынесу в понедельник.

– Почему только в понедельник? – спросила я, припудриваясь.

– Беру пару дней на анализ, – по-деловому сообщила подруга, – Мы с Сашей решили устроить вам с Новиковым сюрприз.

– Какой?

– Очень полезный. Ладно, всё равно проболталась. Мы едем за город на пару дней. Хотим предложить тебе с Новиковым составить нам кампанию. Там и будет возможность понаблюдать за твоим Ромео в неофициальной, так сказать, обстановке. Вы же никогда не выезжали вместе на несколько дней?

– Нет... Извини, но думаю, дед меня не отпустит.

– Громова я беру на себя. В общем, предлагаю протестировать, как твой жених поведёт себя в новых для него условиях.

– Миша мне не жених, Маш. Хотя...

Я задумалась, вспомнив наш с ним недавний разговор после занятий.

– Что «хотя»?

– Да, неважно, – решила я пока ничего не рассказывать, ведь предложения-то, по сути, Новиков мне так и не сделал. – Ладно, ты права, поехать стоит. Только ума не приложу, как дедушку уговорить. А если разрешит, то в общагу наведаться придётся, во что-нибудь переодеться. Не буду же я в таком платье там ходить.

Марья скептически взглянула на испорченное платье и заявила:

– Даже если бы оно было в порядке, все равно для отдыха не подходит. Но! – воскликнула подруга и сделала мхатовскую паузу.

– Что «но»? Ну не тяни уже!

– Та-дам! – театрально пропела плутовка и поделилась: – Я захватила твой любимый костюмчик. Фисташковый. Ну, толстовку с брючками. Самое то, чтоб по Дому отдыха рассекать. В спортивной сумке лежит у Саши в багажнике.

– Спасибо...

– И ещё бельё там по мелочи прихватила. Короче, похозяйничала я в твоих шмотках без спроса. Прости... Зато теперь будет, во что переодеться.

– Может мне ещё и поехать не разрешат...

– Уговорить деда—тирана – моя забота! – заявила Марья с видом эксперта по сложным переговорам.

– Он совсем не тиран, просто ... Что-то его беспокоит, понимаешь...

– Ну так выясни, что именно!

– Думаешь, я не пробовала? Пробовала. И не раз. Молчит, – вздохнув, поделилась я.

– Ладно, с этими тайнами Магрибского двора мы разберемся позже. Сначала Новиков. Кстати, в «Империаде» обсудим то, что мне удалось на него нарыть. Очень занятная информация, скажу я тебе!

Я вопросительно взглянула на подругу и нетерпеливо повела бровью:

– Ну?! – воскликнула, когда ждать ответа уже не осталось сил.

– Да-да, мне есть, что рассказать, подруга, но придётся потерпеть до места назначения! К тому же, уверена, что объект исследований ещё обязательно подбросит нам пищу для анализа. Новиков – очень интересный экземпляр, скажу я тебе.

– Значит, ты решила устроить очередной мозговой штурм?

– Обожаю выбивать определенный сорт людей из зоны комфорта!

– Он не нравится тебе, да?

– Мутный тип. Не понимаю, как ты этого не замечаешь? Ладно, потом договорим. Пойду попрошу Сашу твой костюм из машины принести. Будь здесь, я быстро.

– Хорошо. Ещё бы что-нибудь для волос раздобыть. Заколочка сломалась...

– Ну ты даешь! Столько косяков за день! Ладно, резинку бархатную тебе презентую. Как знала – две прихватила!

Марья вернулась минут через пять – не больше. В зал ресторана я вышла в новом образе.

Глава 8 Гадание на ромашке «отпустит —не отпустит» Марья в ударе

Мы вышли в зал и пока пробирались к нашему столику я задумалась. Дед приучил меня жить по строгому режиму дня, и с годами я привыкла планировать каждый свой день. Но в этот вечер всё шло мимо плана: непонятные события в сквере, странное поведение Миши, больше не скрывающего свое дурное настроение и спонтанная поездка на выходные. Всё это меня настораживало, во многом пугало, но одновременно и интриговало. Особенно обещание подружки что-то рассказать о Новикове. «Интересно, что она нарыла? Неужели компромат? Если так, то какой? У него есть тайная дама? А может он уже был женат?» – в предвкушении мысленно гадала я.

– А вот и наша опоздавшая! Здравствуй, Катерина. Эффектное появление, – встретил меня Александр, привычно улыбнувшись.

Я улыбнулась в ответ и пожала протянутую мне руку. Он неизменно здоровался со мной именно так – по-партнерски.

– Не можешь без спецэффектов, милая... – процедил Миша, приобняв меня за плечи, как только я заняла кресло рядом с ним за столом.

«Видимо, с зачетом все-таки пролетел», – предположила я, но спрашивать не стала.

– А у нас к вам предложение, ребята! Давайте махнём за город на пару дней? Сразу после ресторана, – закинула Марья удочку, глядя на Мишу. И продолжила: – Сразу за МКАДом есть одно ламповое местечко. В глубине леса, тишина, покой, и что немаловажно – полный пансион. И даже небольшая площадка с замечательным склоном, в виде горки имеется. Мы с Сашей предлагаем покататься на ледянке, погулять по лесу, подышать свежим воздухом. Как идея?

– Годная, – заглотив наживку Новиков. Настроение его сразу улучшилось. Он даже улыбнулся.

Подруга продолжала расписывать прелести «местечка». Я слушала её в пол уха, задумавшись о том, как дед воспримет идею с этой поездкой. Позволит ли?

– Надо позвонить деду, – задумчиво проговорила я и вытащила сотовый из сумочки.

– Дай мне трубку! – потребовала Марья.

Едва я успела нажать на вызов, она в два счета выхватила у меня из рук телефон, приложила его к уху и заговорила:

– Даниил Сергеевич, здравствуйте! Марь Иванна Стоцкая у аппарата.

Подгоняемая любопытством, я придвинулась к Маше поближе, приложила ухо к смарту и услышала спокойный голос деда:

– Ну, здравствуй, Марь Иванна. Чем могу быть полезен?

– Только Вы и можете, милостивый государь! – зашебетала подруга, сделав мне предостерегающий знак не вмешиваться. – Спасите – помогите, моя помолвка горит!.. Да, спасибо... Отпустите Катерину потусить на выходные... Ну, пожалуйстаааа! Я ж не каждый день замуж выхожу. Под мою личную ответственность... Торжественно обещаю, что ни один волосок с её головы не упадёт... Да, тут рукой подать – каких-то 20 км от МКАДа... Дом отдыха «Империал» ... Солидное местечко, всё по высшему разряду, уверяю вас! Справки лично наводила: отличный сервис и чрезвычайно благонадёжная публика. И с безопасностью у них всё ОК. Охраной занимается очень солидная контора. Из бывших... ну, вы понимаете, о чём я, да?.. Ну, конечно! Конечно, проверьте! Восхищаюсь вашей бдительностью, Даниил Сергеевич... Катерине так повезло с вами... Ну что вы! Я на полном серьёзе. Да... Несомненно... Будем вчетвером, – продолжала отчитываться Машка, – ваша покорная слуга, мой суженый... Ну что вы, Даниил Сергеевич, – точно не ряженный! Достойная кандидатура – уверяю вас! Сама пробивала!..

С нами – Катюша... Ну и Мишу Новикова вы знаете, так ведь?... Александр Константинович Белов... Конечно, наведите! Лишним не будет, может я чего упустила. Мой опыт в этом вопросе с вашим никак не сравнить... Надо же, бабуля тоже меня Лисой Алисой называет, – уже вовсю смеялась Марья, – Мы с Катей очень надеемся, что вы позволите нам поехать. Да... Ждём. Уф! Он не сказал «нет», значит шанс есть, – обратилась она к нам, вернув мне телефон и довольно потирая ладошки. – Сейчас он пробыёт тебя, дорогой, и выезжаем!

– Что, прости? – удивлённо переспросил Александр.

Дед был в своём репертуаре. Как всегда. От стыда я готова была провалиться сквозь землю.

– Ну, Громов пробыёт по своим каналам твою благонадёжность и выдаст своё высочайшее дозволение на поездку.

– Как всё строго, – улыбнулся жених.

– Да, не бери в голову! У него пунктик по Катюшкиной безопасности загоняться! – объяснила подруга.

– А что, есть причины, Катюша?

– Да не парься ты! – пришла на помощь подруга, не дав мне и рта раскрыть. – У каждого свои тараканы. Думаю, с твоей кандидатурой всё пройдет как по маслу.

– Откуда такая уверенность? – лукаво усмехнулся новоиспеченный жених.

– Моряк моряка видит издалека, дорогой. Вы же оба из органов. Я так подозреваю, что база данных у вас общая. И Громов имеет к ней доступ.

– Вот как! – заинтересованно откликнулся Саша, – А из какой он структуры, Кать?

– Я мало знаю о его службе. Дед не любит об этом говорить. Если в общих чертах, то он военврач. Нейрохирург. Часто бывает в командировках... Иногда затяжных... В таких случаях я остаюсь на попечении шефа нашей службы безопасности. Бывает, что какое-то время с ним не бывает связи, – сыпала я информацией, удивляясь собственной говорливости.

Дед всегда учил меня быть сдержанной в разговорах и никогда не болтать лишнего.

«Болтун – находка для шпиона», – часто говорит он.

Но Александру я доверяла. Он как-то сразу расположил меня к себе. Мне нравилось, что он никогда не прятал глаз, как делают люди, что-то скрывающие. В глаза он всегда смотрел открыто, был неизменно доброжелателен и в меру открыт, видимо, ровно настолько, насколько позволяла служба. И слушал с таким подкупающим вниманием, что мне захотелось хоть ненадолго выбраться из своей раковины. В общем, мой внутренний радар «свой» – «чужой» сразу причислил Александра Константиновича Белова к категории «свой».

– Предлагаю тост! – Маша подмигнула мне и добавила: – За то, чтобы вы с Мишей окончательно определились в отношениях!

Ответить я не успела, отвлеклась на «просунувшийся» смарт.

– Ты можешь поехать, Котёнок, но с условием быть со мной на связи и в зоне прямой досягаемости Белова и Стоцкой. С Новиковым держи дистанцию, – инструктировал меня дед в своей спокойной, лаконичной манере. – Ещё раз: телефон всегда должен быть у тебя под рукой, слышишь, Катюша?

– Да.

– И следи за зарядкой аккумулятора. На морозе расход у него большой.

– Спасибо, дедуль, что разрешил поехать, – поблагодарила я, не веря своим ушам. И почувствовала, как горячие пальцы Михаила сжали мою ладонь.

– Часы надела?

– Конечно надела, не волнуйся.

– Я оплатил для тебя одноместный номер, соседний с номером Марии и Александра.

– Я могла бы сделать это сама...

– Не спорь со мной, девочка. Удачно тебе отдохнуть.

– Ай! – воскликнула я. Палец пронзило резкой болью. Выдернув руку из тисков Мишинных пальцев, я взглянула на тонкое колечко, красовавшееся теперь на моём покрасневшем безымянном пальце.

– Узковато, – бросил «жених», недовольно поджав губы.

– Что там у тебя? – тут же отреагировал дед.

– Эмм... Всё в порядке, дедуль, не беспокойся.

– Точно в порядке?

– Конечно... Кровать слетела с вилки, – сморозила я первое, что пришло на ум, взглянув на тарелку со своим ужином.

– Ладно, девочка. Будь на связи, – напомнил он ещё раз и отключился.

– Очень нестандартный способ сделать предложение, дружище, – заметил Александр. – Но молодым позволено креативить, – подбодрил он Новикова. Наверное, чтобы смягчить неловкость сложившейся ситуации. Видимо, все заметили мою растерянность.

– Да уж, – буркнула Маша, – Ну а ты чего молчишь? Что—то я не услышала заветное «Да», – обратилась она ко мне.

– Что? – переспросила я, пытаюсь снять кольцо с пальца. Не получалось.

– Это судьба, Котёнок, – усмехнулся Миша, глядя на мои напрасные старания.

– Дай взглянуть, – распорядилась Марья, – Вроде сидит не туго, капилляры не пережимает...

– Не снимется, на костяшке застревает, видишь.

– А зачем снимать? – уточнила она, иронично усмехнувшись, – Не согласна, что ли, стать женой этого добра молодца?

Я молча перестала теребить кольцо. Ухватила за стакан с соком, кажется, апельсиновым, и большими глотками выпила его до дна.

«Что ж за день-то такой сегодня! Все идет наперекосяк», – возмутилась мысленно.

– Ладно, по приезду на место разберёмся. – распорядилась подруга, – Пора. Больше часа по пробкам тащиться.

Глава 9 (Не)случайный попутчик

«Отпустил! Вот это да! Неужели, признал, что я уже взрослая и могу сама принимать решения?» – мысленно ликовала я, сидя рядом с Машей на заднем сидении Сашиной машины. Я была настолько потрясена тем, что дедушка дал добро на эту поездку, что совсем забыла о кольце. Вдруг вспомнился наш с ним летний баттл.

«Когда ты отвезёшь меня в общагу?» – пошла я тогда в наступление.

«Не понял?»

«С сентября я буду жить там. Как все студенты».

«Не выдумывай!»

«Ты так часто говоришь о моей самостоятельности. Хочу узнать, что это такое на самом деле!»

«Так тебе не хватает самостоятельности? Будь объективна – её у тебя предостаточно».

«Я так не думаю, дед».

«Не думает она, – проворчал он, – Ну так подумай! Я позволил тебе выбрать профиль обучения. Согласился на твою поездку в Питер на экскурсию. И на пикник с будущими однокурсниками ты успела съездить, позволю напомнить. На целых два дня! С ночёвкой в палатке! Куда ещё больше самостоятельности?»

«Ну тогда вспомни и о своих людях, которые неожиданно нагрянули отдохнуть на соседней с нами полянке! Хоть они и были в штатском, но все как на подбор могли похвастать военной выправкой. Ну, признайся уже, что это были твои люди!»

«Ребята тоже решили отдохнуть – простое совпадение, не более того, – усмехнулся дед и резко свернул с темы: – Не все студенты живут в общежитии, а только иногородние. И ты будешь занимать чьё-то место».

«Мы живём за городской чертой, значит и я имею право жить в общежитии. И я буду!»

«Не обсуждается! На занятия будешь ездить из дома. Всего около часа на машине. Николай будет тебя возить».

«Дед, ну пожалуйста, хватит меня опекать. Почему со мной обязательно должно что-то случиться? Я устала от твоей гиперопеки. Хочу пожить как обычная студентка. Ну, пожалуйста».

Дед молчал. Казалось, он меня не слушал, крепко задумавшись о чём-то своём.

«Дедуль, ну, что может со мной случиться?» – сделала я очередную попытку достучаться до него.

«Да, всё что угодно!» – ответил он, серьёзно взглянув на меня.

В кармане его пиджака завибрировал смарт.

«Слушаю... Держись от моей семьи подальше или пожалеешь!» – сердито прошипел он абоненту и сбросил звонок.

«Что случилось? – забеспокоилась я, заметив, как он изменился в лице.

«Это не вопрос для обсуждения».

«Что ты скрываешь от меня?»

«Поговорим позже», – пообещал он тогда и вышел из комнаты.

Вернулся он тогда домой только через два дня, с загипсованной рукой и ссадинами на лице. Кратко сообщил, что Николай Николаевич, занимавшийся вопросами безопасности нашей семьи, неожиданно попал в аварию. К счастью, тот серьёзно не пострадал, но инцидент с машиной заставил деда пересмотреть своё решение.

«Предлагаю обсудить компромисс», – заявил он тогда. И я поняла, что одержала победу в нашем недавнем споре.

Мне было позволено жить в общежитии. Но при условии: запястье моё теперь постоянно стягивает ремешок «умных» часов – какая-то навороченная отечественная разработка. По требованию деда я обязана была просто срастись с ними. К внешнему виду часов у меня не было никаких претензий: стильные, легкие, взглянешь на циферблат – и глаз радуется. Зато по функционалу они очень напоминали браслет, который надевается на лодыжку заключённому, выпущенному на поруки! За это я окрестила их моим персональным «Цербером».

А вечером того же дня дед представил мне нового водителя, который должен был исполнять обязанности дяди Коли, пока тот находился на реабилитации. Новый водитель оказался из кампании, отдыхавшей тогда на пикнике по соседству с нами. Конечно же «по чистойшему совпадению»! Кстати, в той поездке я подвернула ногу. Именно он и вправил мне лодыжку, но пообещал держать это в секрете от деда.

Чтобы закрепить свой первый крупный успех в борьбе за независимость, в тот же день я перекрасилась в блондинку. Дед увидел мой обновлённый образ за ужином. В огромном настенном зеркале я наблюдала за его реакцией. Какое-то время он внимательно изучал мой новый образ. Потом поднялся из-за стола, подошёл ко мне и аккуратно коснулся волос. Молча огладил их сверху в низ, пропустил между пальцами один из локонов. Ни малейшего проявления недовольства, ни привычного приступа морализирования – ничего тогда мне высказано не было.

– Бунт, значит... Вся в мать, – только и сказал тогда он. И вышел из комнаты, так и не поужинав».

- Опять он, – прошептала я, заметив обгоняющий нас внедорожник.
- Кто? – откликнулась Маша.
- Голландец....
- Что? – видимо, не сразу сообразила подруга.
- Внедорожник с Пироговки, – прошептала я, кивнув в сторону обгонявшей нас машины, и приложила палец к губам, давая понять, что Мише об этом знать необязательно.
- Ничего не путаешь? Может, просто похожий? – также шёпотом уточнила Маша.
- Я его узнаю из тысячи. Ещё в сквере досконально изучила.
- Да что ты там могла изучить? Вечером-то! И в снегопад! – тихо возмутилась подруга.
- Я в объектив камеры его видела. Так что да, изучила. Номер запомни. Сейчас сравним, – пообещала я и полезла в рюкзак за камерой.
- Да что там запоминать: три семёрки... КТ... не вижу третью, но регион столичный.
- Точно! – откликнулась я, увеличив кадр, – Видишь?
- Ну он, получается. Надо будет Сашу подключить.
- К чему вы там собрались меня подключать? – послышалось с водительского сидения.
- К спецоперации, дорогой.
- Ого! Звучит интригующе!
- А то! Фирма веников не вяжет, – смеясь, парировала Машенция. – На повестке дня расследование... Как ты окрестила фотку? – Спросила она меня, негромко щёлкнув пальцами.
- Какую? – прошептала я, бросив взгляд на напряжённый профиль Миши, сидевшего на переднем сидении.
- Ой, не тупи! – чуть громче возмутилась подруга, – Ты ж каждой своей фотке название выдумываешь! Ту фотку с парнишкой, помнишь? Который получил по физиономии букетом гвоздик? Ты назвала её «Джентльмен неудачи».
- Угу. Девушка надеялась на розы. Алые, – улыбнулась я, вспомнив сценку на улице, нечаянным свидетелем которой недавно стала. И недовольный возглас девушки: «Ах так! Получай!»

– А про фотоотчет с собрания по переносу экзамена... Как там его... Неважно... Помнишь, как ты подписала фото тех двоих? – не умолкала подруга.

– Помню, – вздохнув, ответила я, – «Обожающие воздерживаться». Ну, парни же не голосовали за перенос. Причём, сами сказали, что воздерживаются.

– Стоящее название! – похвалила Марья, – Не в бровь, а в глаз! Та фотка фурор произвела! – смеясь, вынесла она вердикт.

– Не само фото. Название. Не ожидала такой острой реакции... Удалила его потом.

– Фото? – уточнил Саша.

– Нет, название убрала, фото осталось. Оно же в отчете о мероприятии учувствовало.

– А свой новый диван в общежитии она нарекла «Мечтой Обломова», дорогой! А фотку с недавней тусовки помнишь? – снова обратилась она ко мне, – Которую я тебе показала? Ты окрестила её «Тёпленькие».

– Что, так удачно погудели? – откликнулся Саша.

– Не то, чтобы очень, – неопределённо ответила подруга.

– Я ту тусу пропустила, – с сожалением проговорила я. – Почему ты не взяла меня с собой?

– Рано тебе! Маленькая ещё!

Поселившись в общежитии, я старалась не пропустить ни одного значимого события студенческой жизни. Дед был недоволен моим рвением окунуться «в этот вертеп с головой». Услышав наш спор по телефону, Маша встала тогда на сторону деда и торжественно ему пообещала, что ходить на мероприятия я буду исключительно в её сопровождении. И лишь на благонадежные, проверенные лично Стоцкой. Деда это устроило. Меня тоже. Жизнь в общежитии была ключом, и иметь проводника в этот, новый для меня мир, было бы совсем неплохо.

– Ты ничего не потеряла. – успокоила меня подруга, – Тусняк был не айс. Сплошь мутные лица. На приглашенных прикид – один мрачнее другого. Странные конкурсы. Всё очень смахивало на кастинг в какую-то тёмную кампашку. Правда, Михаил?

– У каждого свои запросы, – негромко ответил Новиков.

«Значит, он тоже там был», – задумалась я.

Не знаю, что в этой новости меня больше укололо: то, что он присутствовал там без меня, или то, что у него от меня обнаружились тайны?

– Мне и беглого взгляда хватило, чтобы понять, что вечеринка тематическая, – заявила подруга, легонько ткнув меня в бок, – но пришлось прослоняться там около часа. И всё ради Вики. Ей там нужно было что-то узнать. Или с кем-то увидеться. Я не совсем поняла.

– Кто такая Вика? – спросила я, услышав незнакомое имя.

– Новенькая с психфака. Виктория Харитонова.

– Харитонова? Знакомая фамилия, – пробормотала я и мысленно задалась вопросом: «Совпадение или нет?»

Фамилия давней маминей подруги тоже была «Харитонова». В памяти промелькнуло что-то неясное, из далекого детства, совсем подзабытое. И тут же унеслось прочь.

– Да. Говорят, она перевелась откуда-то из-за Урала. Кажется, из Иркутска или Улан-Уде, не помню точно.

– Улан-Уде? – переспросила я.

Мамина подруга – Алла Михайловна – жила именно в Улан-Уде. «Забавное совпадение... Правда, это было давно. Может уже переехала?»

Я не видела тётю Аллу с детства. За все эти годы созванивались мы всего несколько раз. Очень давно.

– Кажется, да. – откликнулась Маша и пообещала: – Я вас познакомлю. Вика поселилась в соседней комнате. Ты не заметила?

– Нет.

– Говорю же, в последнее время витаешь в облаках.

– Возможно...

– Кстати, как приедем, о ней тоже пошепчемся. Очень интересный индивид. Не без странностей. Ладно, об этом потом. Вернемся к нашим баранам! Так как ты фотку внедорожника окрестила?

– Хочу назвать «Летучий» или «Полёт Голландца» ... надо подумать...

– Операцию назовём «Прокол Голландца», Саш, – провозгласила Марья.

– Голландца? – переспросил он, – У тебя есть знакомые из этой страны, Кать?

– Да нет, бери выше! – рассмеялась Марья, – Мы о самом Летучем Голландце толкуем!

Она вон тот внедорожник так окрестила.

– Какой?

– Который нас сейчас обогнал. Видишь впереди огнями мигает?

– Ясно... Вернее, ничего не ясно, но очень интересно.

– А почему прокол? – спросила я.

– Потому что твой «голландец» постоянно «светится»! Вот сколько раз за сегодня ты его видела?

– В сквере, на парковке Сити... и вот сейчас.

– Трижды «спалиться» за пару часов! Ну, он и валенок! Штирлиц – недоучка!

– Значит, у тебя появились новые знакомые, Котёнок? – послышался напряженный голос

Миши, – Так вот куда ты спешила после занятий.

– Куда? – в недоумении спросила я.

– На встречу с тем, кто теперь нас пасёт.

– Ой всё! – воскликнула Марья, – Предлагаю не омрачать мою помолвку сценами ревности. Михаил, скажи, пожалуйста, ты совсем шуток не понимаешь? Она его сегодня впервые увидела!

– Какие уж тут шулки, – пробурчал Новиков себе под нос, но продолжать разыгрывать из себя Отелло не стал.

– Всё это – простое совпадение, Миш, – решила я его успокоить.

– Ну ... может быть...

– Дамы, обрисуйте суть вопроса. В двух словах, – вмешался Александр.

– «Голландец» пасёт Катрин.

– Маша! – остановила я подругу, с опаской взглянув на хмурое лицо Миши.

– Считаешь, что есть повод беспокоиться, Кать? – негромко спросил Саша.

– Скорее нет, чем да, – честно призналась я. – Это может быть простым совпадением.

На место мы приехали примерно через час. Саша припарковался вдали от центрального входа в Дом отдыха. Я вышла из машины и увидела «голландца», припаркованного неподалеку.

– Ну, пошли, чего зависла, – подтолкнула меня Марья.

– Смотри, – кивнула я на внедорожник.

– Да ладно! – негромко воскликнула подруга, – и три семёрки при нём! Совпадение, говоришь?

Вот теперь я совсем не знала, что обо всём этом думать...

Глава 10 Щелчок по носу

– Саш, посвети нам, пожалуйста. Фары включи.
– Что там у вас? – откликнулся он.
– Следственный эксперимент проводим.
– Можно и мне поучаствовать? – с улыбкой поинтересовался опер, осветив нам площадку фарами.
– Нужно!
У меня за спиной послышался тихий голос Миши:
– Совпадение, говоришь?
– Не начинай, пожалуйста, я сама ничего не понимаю, – попросила я, повернувшись к нему лицом. – Не хватает вводных.
– Вводных? Наш человек, – усмехнулся Александр.
Он успел подойти к нам и теперь тоже разглядывал припаркованный рядом внедорожник, попутно заглядывая в свой смартфон, похоже, набирая кому-то смс.
– Что ж, с вводными я помогу, – пообещал он.
– Спасибо Саш. Не хочу деда волновать раньше времени. Вдруг всё окажется простым совпадением...
– Ой, нимагууу! – воскликнула Марья, театрально закатив глаза, – Сов-па-де-ни-еее!
– Он мог просто приехать отдохнуть на выходные, Маш. Как и мы.
– Катя права, – поддержал меня Александр, – в любом случае, пока рано делать выводы. А паниковать – тем более. Понаблюдаем.
– Ну ты хотя б пробей его номер по базе, что ли! – предложила Маша, – Надо же с чего-то начать.
– Уже, – ответил Александр.
– И что узнал? Дай взглянуть, – потребовала подруга, попытавшись заглянуть в его смартфон.
– На данный момент ничего криминального, – ответил Алекс, пряча сотовый во внутренний карман пиджака.
– Ну, не томи уже! Кто он? – не отставала Марья.
– Бизнесмен. Владелец компании.
– Какой? – продолжала она допрашивать суженного.
– Ну зачем тебе грузить мозг лишней информацией, девочка моя? – миролюбиво заметил он и полез в карман за завибрировавшим смартфоном.
– Извини. – Он поднял указательный палец вверх и ответил на звонок.
– Что, опять вызывают!? Да сколько ж можно! – возмущенно воскликнула Маша.
– Это по службе, – коротко ответил Саша, продолжая слушать собеседника.
– Ты же сказал, что взял отгул, – прошептала подруга.
Расстроено махнув рукой, она отвернулась, но Александр обхватил невесту за талию и не позволил отойти в сторону.
– Понял, – ответил он кому-то по телефону. Закончив разговор и игриво обратился к Марье: – Не лучше ли нам сосредоточиться на главном, дорогая, ммм?
– Так ты остаёшься? – уточнила она, взглянув на него исподлобья.
– Конечно, – спокойной ответил он, – Я же обещал.
– Правда! Спасибо, любимый!
Радости подруги не было предела!
– А тебя точно не вызовут? – всё же уточнила она.
– Там видно будет, – неопределённо ответил он и добавил: –А пока... что там у нас по твоему плану?

– Для начала зарегистрироваться в номере, – недоверчиво ответила она.

– Этой ночью для меня главное – ты, Лисичка. И нет никакого дела до бизнесменов, даже крупных.

Приобняв подругу за талию, Александр медленно повёл её ко входу в «Империял», что-то негромко объясняя.

Спокойный глубокий тембр его голоса всегда действовал на Маю Ивановну умиротворяюще.

Александр Белов уже не первый год служил в полиции и был старше Марии на десять лет. Ситуации, с внезапными вызовами на службу происходили в его жизни довольно часто и очень напрягали подругу. Марья привыкла всё планировать заранее и терпеть не могла форс-мажоров. А их на службе к Александра, к сожалению, всплывало предостаточно: и частые командировки, и ночные вызовы на службу, и неожиданные военные сборы и много чего ещё. Похоже, это единственное в их жизни, что было способно спровоцировать у нее бурю возмущения. Во всем другом они легко находили общий язык. Сегодня не стало исключением, но и этот всплеск эмоций у подруги Александр, как обычно, оперативно взял под контроль.

Наблюдая за Беловым на протяжении нескольких месяцев, я заметила, что он предпочитал быть в штатском. На высокой крепкой фигуре отлично сидели и деловые костюмы, и обычные джинсы с футболкой. За всё время нашего знакомства в форме полицейского я увидела его всего однажды – в день, когда Маша на несколько часов задержалась после занятий.

В тот вечер я впервые в жизни волновалась за человека, с которым у меня не было родственных связей. Я не беру в расчёт Алису – другую мою подругу. За неё я волнуюсь всегда. Потому что с самого детства привыкла считать самым близким себе человеком. После дедушки, конечно.

В общем, в тот вечер я не находила себе места, волнуясь за Марию. А когда на пороге нашей комнаты она появилась вместе с полицейским, моя обеспокоенность достигла апогея. Но всё оказалось не так страшно, как я успела себе нафантазировать.

Тогда, в самом начале сентября, подруге пришлось возвращаться затемно. В одной из аллей сквера она столкнулась с группой подвыпивших молодых людей. И если бы не вмешательство Александра, оказавшегося там совершенно случайно, Машке пришлось бы совсем непросто. В тот вечер он вызвался сопроводить эту искательницу приключений до самого дома. То есть до нашей комнаты в общежитии.

Проводив влюблённых взглядом, я взглянула на Мишу. Он стоял рядом и что-то сосредоточенно обдумывал.

– Зачет сдал?

– Естественно, – односложно пробурчал он.

– А почему тогда не в духе?

– Потому что кто-то водит меня за нос.

– Если ты обо мне, то ничего подобного.

– Крупный, значит, – буркнул Миша и недовольно скривил губы.

– Что?

– Ничего.

Я взглянула на ледяное лицо приятеля и, вздохнув, предложила:

– Пойдем? Поздно уже, а нам ещё заселяться.

Но так и не дождавшись от него какой бы то ни было реакции, пожала плечами и пошла за ребятами.

– Добро пожаловать в «Империял», Госпожа Громова.

Я подняла глаза на сотрудницу ресепшн, которой только что предоставила свой паспорт. Миловидная девушка приветливо улыбнулась мне и протянула стильную пластиковую карточку с выгравированным на ней логотипом отеля и номером 18.

– Это карта от вашего номера, Екатерина Васильевна. Наш сотрудник поможет вам разместиться.

– Не стоит беспокоиться, я сам ей помогу, – вклинился в нашу беседу Михаил.

Уже несколько минут он молча стоял за моей спиной, ожидая, очереди на оформление.

– Ну что вы, комфорт гостей – наша приоритетная задача, – с улыбкой ответила девушка. И добавила, заглянув в паспорт Михаила: – А это карта от вашего номера, господин Новиков. Вам тоже помогут разместиться. «28» было написано на его карте.

– Уже успели оформить? Но, я ещё не оплачивал номер. Тем более отдельный от номера моей невесты.

– Михаил Леонидович, Ваше пребывание в номере 28 оплачено Громовым Даниилом Сергеевичем.

– Даже так...

– Именно. Так же, как и апартаменты для Екатерины Васильевны.

– Добро пожаловать, – обратился ко мне молодой человек в униформе, улыбаясь во все 32 зуба, и сделал приглашающий жест следовать за ним.

Мои апартаменты оказались просторными и довольно уютными. Больше всего пришлась по нраву постель. Она поражала внушительными размерами и располагалась у стены, украшенной шикарными тисненными обоями пастельных тонов. Я уже предвкушала крепкий сон в комфорте и полнейшей тишине, но в номер вошел Миша.

– Нам нужно поговорить, – заявил он.

– Только недолго, пожалуйста, – вздохнув, согласилась я.

– Перейду сразу к сути. Фотки у тебя получаются классные, Котёнок, – начал он, – но я против того, чтобы ты одна бродила по закоулкам.

– Сквер в центре столицы для тебя закоулок?

– Не передёргивай! Ты же не только там шляешься.

– Шляюсь?

– Не цепляйся к словам. Пойми, порой ты бываешь настолько инфантильной и неорганизованной, что запросто можешь вляпаться в неприятности.

– Инфантильной? Вот уж не думала, что ты считаешь меня дурочкой.

– Опять передергиваешь мои слова, – посетовал он, покачав головой.

– Ладно, завтра поговорим. Иди к себе, я устала. Хочу лечь спать.

Но Миша не спешил уходить. Повернулся ко мне спиной и подошёл к окну. Остановился у него и воззрился в ночную темень.

«Что он там высматривает?» – недоумевала я и ждала, когда же незванный гость выполнит мою просьбу.

– Ты действительно хочешь, чтобы я ушёл? – помолчав, спросил он.

– Да, – поспешила ответить я, всё ещё надеясь, что наконец останусь одна.

Оторвав взгляд от его напряженной спины, я взглянула на постель и почувствовала, насколько устала. Ноги страшно гудели и напрочь отказывались поддерживать мое утомленное тело в вертикальном положении. Утренняя встреча с цыганкой, четыре пары в универе, фотосессия в сквере, безмолвный диалог с Каменнолицым, форс-мажор в ресторане и цепкий взгляд его важного посетителя; непривычное поведение Новикова; внедорожник, казалось, следовавший за мной по пятам – все события этого непростого дня совсем выбили меня из сил. Настолько, что даже на то, чтобы принять душ, их не находилось.

Заметив движение у окна, я отвела взгляд от кровати и оторопела.

«О нет, только не это!»

– Ты не останешься здесь! – возмутилась я, наблюдая, как Новиков стянул с себя лонгслив и принялся расстёгивать ремень на брюках.

– Хватит вести себя как ребенок, – раздраженно ответил он.

На запястье вдруг завибрировали часы – мой умный вездесущий «Цербер». Я активировала их и услышала негромкий голос деда:

– У тебя всё в порядке, девочка?

– Да, всё хорошо, дед. Собираюсь ложиться спать.

– Михаил, думаю, тебе пора, – услышала я и напряглась.

– Вы следите за мной? – откликнулся удивлённый Новиков.

– Конечно, нет, – в голосе деда послышалась усмешка, – Всего лишь наблюдаю по геолокации. И только в целях обеспечения безопасности Катюши. Уверен, она уже предложила тебе перенести все беседы на завтра.

– Естественно! Не утруждайте себя повторять. Я уже ухожу, – громко и с выражением заявил Новиков.

– Я проконтролирую, – пообещал дед и добавил: – Родителям от меня привет.

Новиков бесшумно подкрался ко мне, ухватил за подбородок и прошептал в самые губы:

– Щёлкнула, значит, меня по носу. Ну, что ж, первый раунд остался за тобой, но игра не сыграна. Следующий ход – мой.

Выпустив лицо из плена своих цепких пальцев, он приподнял мою руку с часами и ответил деду, почти касаясь их губами, чётко и с расстановкой:

– Обязательно передам, Даниил Сергеевич. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Михаил. И ты отдыхай, девочка, – отозвался динамик моего личного Цербера.

– Спокойной ночи, дедушка, – ответила я, услышав, как за Новиковым захлопнулась дверь.

Глава 11 Лев вышел на охоту

Оставшись наконец одна, я убрала на прикроватную тумбочку покрывало с широченной постели, аккуратно его сложив. Водрузила на него сверху свой сотовый, и, раздевшись до маечки и трусиков, легла на упругий ортопедический матрас, обтянутый кипенно-белой простынёй. Спрятавшись под тёплым одеялом, как в теплом уютном домике, я в мгновение ока провалилась в крепкий беспокойный сон.

Мне снилось, как просыпаюсь в тёмной, совершенно незнакомой комнате. Осторожно провожу рукой по простыни. Рядом пусто, но простынь ещё хранит чье-то тепло. Сейчас я одна, но тут совсем недавно явно кто-то спал. Осознавать это так необычно... Потому что никто и никогда раньше не спал со мной в одной постели. То, что я в незнакомом месте в полнейшем одиночестве, почему-то напрягает и провоцирует неприятный холодок в груди. Вокруг полнейшая тишь и непроглядная темень. В комнату не проникает ни шороха, ни чьих-то шагов, ни разговоров из-за ее пределов, как дома, ни свиста ветра через окно, которое я обычно оставляю чуть приоткрытым, ни шума дождя, ни стрекота сверчков в летнюю ночь – ничего. Абсолютно. Полнейший, давящий на уши вакуум. Ощущаю себя словно в бункере. Вглядываюсь в беспросветную темь и улавливаю вдали едва различимые очертания окна. Спросонья закрываю глаза. Тру их кулачками. Открываю снова и взглядываюсь повнимательнее. Теперь я могу видеть четче.

Различаю контуры постели, на которой лежу. Она просто огромная – реально на полкомнаты. В углу справа что-то возвышается. Комод или что-то похожее... Не пойму, что именно, но вижу, что на его поверхности что-то есть. Что это? Жмурюсь. Из стороны в сторону несколько раз качаю головой. Опять разлепляю веки и замечаю на возвышении, похожем на комод, нечто миниатюрное, расставленное полукругом.

Припоминаю, что в спальне у родителей уже встречала нечто подобное. Но после того, что с ними случилось, дедушка убрал все подчистую, включая и сам комод.

Напрягаю память. В ней всплывают обрывки воспоминаний. Я вижу себя маленькой. Вижу, как по-партизански вхожу в спальню к маме с папой. Мне явно не больше шести. Потому что папа ещё с нами. Уже давно рассвело, но родители ещё спят. Сони... Не тревожу их. Подхожу к комоду у окна. На нем стоят фигурки. Они красивые. Мне очень нравятся. Мама называет их «нэцкэ». Их недавно подарил нам один гость.

Осторожно беру одну. Она мне знакома: мама мне ее уже показывала. Аккуратно провожу пальчиком по испещренному морщинками лицу старца и любуюсь красотой камня. Мама назвала это «слоновой костью. Она объяснила, что фигурки сделаны из рога слона. Мама сказала, что он называется «бивень». Правда, из объяснений мамы я так и не поняла, зачем слон подарил людям свой бивень? Разве они ему не нужнее? Мама тогда рассмеялась и сказала, что слон просто добрый и любит делать подарки. Вдоволь налюбовавшись фигуркой старичка, ставлю фигурку на место. Оборачиваюсь и вижу, что папа уже проснулся, но лежит тихо, чтобы не разбудить маму, и улыбается мне...

«Картинка» из детских воспоминаний вдруг зависает и стирается с глаз долой, будто ластиком. Я снова вижу себя в странной комнате.

«Может, и в этой комнате такие же фигурки?» – мысленно предполагаю я. Но спросить не у кого, а разглядеть их в темноте все равно не удастся. Поэтому теряю к этому интерес.

Мое внимание снова привлекает окно. Оно явно чем-то занавешено. Чем-то плотным, не пропускающим и лучика света. Что это? Жалюзи? Я напрягаю зрение, взглядываюсь и замечаю, что нет – не они. Это что-то, похожее на штору. Она берет начало от высокого потолка и массивными фалдами спускается к полу. Даже ложится на него

темным объемным веером. Эта преграда скрывает абсолютно все, что творится за окном. Причем скрывает настолько тщательно, что не могу понять, ночь сейчас или день.

«Чья это комната? Как я здесь оказалась?» Не помню...

Осторожно выбираюсь из постели и делаю несколько шагов к окну. Хочу отодвинуть тяжёлую завесу и заглянуть за границы темноты. Шаги моих босых ног гулким эхом отдаются в тишине. Становится зябко и совсем неудобно. Плотная штора не сразу, но поддается.

Похоже, за окном какой-то сад. Большая его часть скрыта во мраке. Приглядываюсь и обнаруживаю неясные очертания высоких кустов. Они тянутся по обеим сторонам от тропинки, слабо освещённой тусклой луной. Эта неровная дорожка убегает вдаль – к высоким деревьям, едва различимым во мраке. Они растут так близко друг к другу, что создают иллюзию глухой стены. На задворках мрачного пейзажа заметен холодный сизый свет. Он как бы льется из не очень мощного прожектора и едва освещает верхушки деревьев и их широкие стволы, оставляя в густой тени то, что находится за ними.

Неожиданно чувствую, что в комнате уже не одна. Замечаю неспешное, едва уловимое в темноте движение в мою сторону. Отвлекаюсь от удручающего вида за окном и поворачиваюсь на звук шагов. Настораживаюсь, замечая силуэт статного мужчины. Он осторожно и почти бесшумно подходит всё ближе и ближе ко мне. Ещё пара шагов – и он рядом со мной. Во мраке комнаты с трудом различимо его лицо. Кто он? Странно, но его присутствие меня ни капельки не пугает. Его аура успокаивает, будто внушает мне, что всё будет хорошо. И мое напряжение начинает быстро рассеиваться. Мне навязчиво кажется, что мы знакомы, но я никак не могу вспомнить, когда и где мы встречались раньше.

Вдруг в пространстве между нами рассеивается темнота. Будто кто-то включает слабый свет прямо над нашими головами, милостиво предоставив мне возможность хотя бы чуть-чуть разглядеть своего визави. Я вглядываюсь в него. Он очень высок и мощен. Под свободной темной одеждой угадываются широкие плечи и мощный торс. Лицо его не внушает мне страха. Удаётся разглядеть очертания высокого лба, прямого носа и мощного подбородка. Я чувствую, как мой гость напрягается и сосредотачивает на мне все свое внимание. Он смотрит на меня так, будто вынужден решать задачу с несколькими неизвестными.

Ни с того ни с сего перед нами материализуется большая шахматная доска. На ней – фигуры. «Белые» расположены по мою правую руку, «чёрные» – по левую. Я различаю их по коронам на фигурках «королей». Хочу развернуть доску белыми фигурами к себе, но не получается: пальцы каким-то странным образом проходят сквозь доску. Эта странность никак не позволяет за нее ухватиться, как ни пытаюсь. Слышу короткое «нет» и понимаю, что не играю эту партию, а могу лишь наблюдать за ее ходом.

Смотрю на поле. Оно видно нечётко. Приглядываюсь и замечаю, что это начало партии. Все фигуры ещё на доске, «побитых» нет. Мужчина отрывает от меня цепкий взгляд и переносит его на поле. Фигуры вдруг начинают светиться изнутри, будто подчиняются его немоу приказу. Теперь они переливаются золотом, будто внутри каждой включился неведомый источник энергии. Свечение от фигур озаряет черно-белое поле доски.

«Время пришло», – словно сквозь вату, вставленную в уши, улавливаю негромкий голос своего гостя.

Его гибкие длинные пальцы касаются золотого «короля». Фигура, к которой он прикоснулся, вдруг начинает переливаться попеременно то белым светом, то отливать

золотом. Подумав, мужчина выставляет вперёд «коня» из войска «короля», которого я мысленно отношу к «белым». «Конь» движется буквой «Г» и становится перед рядом светящихся бело-золотых пешек.

Незнакомец переводит взгляд на противоположную сторону поля. Там должно находиться войско чёрного «короля», но фигуры отливают мутно-посеребренным оттенком, а корона «короля» – почти бесцветна. Мой гость касается этой фигуры и внутри неё вдруг начинает зарождаться нечто чёрное. Что это? Разве может свет быть чёрным? Я приглядываюсь и понимаю, что она иногда мерцает золотом, просто золотое свечение быстро гаснет, а внутри фигуры разрастается «черная дыра». Но вот снова проявляется золотое свечение, и «дыра» исчезает. Возникает эффект пульсации. Будто тёмные силы борются со светлыми.

«Они – как живые. И маскируются, словно хамелеоны. Кто они?» – нечетко слышу собственный голос.

«Это не твоя игра», – доносится до меня резкое замечание собеседника.

Незнакомец отрывает фигуру чёрного «короля» от поля и секунду-другую сжимает её в кулаке. «Король» начинает пульсировать чёрно-золотым свечением интенсивнее, будто задыхаясь, а затем вдруг оказывается лежать на боку в центре поля, словно поверженный.

«Это не по правилам, – удивлённо заявляю я, – Партия не сыграна. Чёрному королю пока ничего не угрожает».

Поднимаю фигуру и чувствую, как нестерпимо она ждёт мне пальцы. Хочется бросить её обратно на поле, но я через силу ставлю её туда, где стояла – на исходную позицию.

Мужчина мне не мешает. Молча наблюдает за моими действиями и кивает, когда чёрный «король» снова занимает своё место на доске.

«Зачем ты здесь? Всегда поступаешь наперекор», – сквозь глухое эхо снова слышу его низкий бархатный голос. Он смотрит прямо мне в глаза и явно ждёт ответа.

«Чем он недоволен?» – мысленно недоумеваю я.

Прислушиваюсь к своим ощущениям и понимаю, что совсем не боюсь его гнева. Я откуда-то знаю, что незнакомец не причинит мне вреда.

Не дождавшись от меня объяснений, он разрывает наш зрительный контакт.

Я снова смотрю на доску и замечаю, что она начинает медленно растворяться в воздухе. Вместе с фигурами. Словно кто-то стирает рисунок на песке. Очень быстро на месте шахматной партии образуется пустота. Я разочарованно вздыхаю. Поднимаю глаза на незнакомца и спрашиваю:

«Почему она исчезла?»

И слышу его ответ:

«Не время».

«А когда оно придет?»

«Скоро».

Снова вглядываюсь в своего собеседника. Пытаюсь его рассмотреть, хоть с исчезновением шахматной доски сделать это труднее. В комнате снова царит густой полумрак. Глаза у него такие... глубокие. Я не могу разглядеть цвета, но их лёгкий прищур интригует меня. Я делаю шаг вперёд и останавливаюсь, натолкнувшись на этот взгляд, как на стену. Это ощущение кажется мне знакомым. Кто-то уже останавливал меня также. Но кто – не помню...

Вдруг в памяти всплывает наш с дедом давний поход в зоопарк. Я тогда – совсем ещё ребенок – подхожу к клетке со львом. Зверь завораживает меня с первой секунды. Огромный. С огненной гривой. Величественно восседающий на задних лапах. Я останавли-

ваюсь перед клеткой. Настолько близко, что носом касаюсь мощной решётки. Царь зверей проявляет ко мне интерес. Он поднимается во весь свой недюжинный рост и махом оказывается у самой решетки. Возвышается надо мной и с прищуром заглядывает в глаза. Во мне совсем нет страха. Ощущаю на волосах и лице его горячее дыхание и борюсь с соблазном прикоснуться к гриве. Так же, как сейчас горю желанием дотронуться до волос своего собеседника. Зачем – не знаю. Просто хочу. Очень.

Волосы мужчины в темноте кажутся угольными, а совсем не огненными, но его внимательный взгляд гипнотизирует так же. Я стою, не шелохнувшись, и восхищаюсь статью незнакомца, его спокойной уверенностью в себе. И его интересом ко мне.... А может, интересом к тому, как я здесь оказалась? Не могу определить...

«Кто ты? – решаюсь спросить я. – Почему не позволил разыграть партию?»

«Это не твоя игра», – строго отвечает он.

«А чья?»

«Моя», – словно издали доносится до меня его ответ.

Делаю шаг ему навстречу и вижу, как он качает головой.

«Не подходи!» – говорит мне весь его облик.

Но я чувствую, что мне нравится его провоцировать. Осторожно делаю несколько шагов по холодному полу и замечаю, как недовольно он хмурит брови.

«Ты должна была остаться под его защитой», – слышу я.

Его голос теперь звучит холодно, как-то отстранённо. Холодный гнев...

Я откуда-то знаю, как умело он способен маскировать эмоции, и редкие случаи, когда они прорываются на свободу – как глоток свежего воздуха для меня... Но гнев? Никогда раньше...

«Я не помню, как сюда попала», – признаюсь честно.

Меня вдруг начинает бить ознобом. То ли от внезапной холодности моего собеседника, то ли от ледящего мои голые ступни пола.

Он замечает это и подходит ко мне вплотную. Теперь я ощущаю его дыхание на своей макушке. Он настолько высок, что я со своими метр шестьдесят семь едва достаю макушкой до его груди. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в лицо. Из окна на него теперь падает слабый луч сизого света, и мне удаётся рассмотреть очертания его губ. Они видятся мне выразительными, с четко очерченной «м» по контуру верхней и довольно объемной нижней. Отчего-то мне безумно хочется коснуться их. Я рискую и аккуратно дотрагиваюсь подушечками пальцев до нижней. И слышу:

«Замерзла». – Это не вопрос – констатация факта.

Я молча киваю. Принимаюсь разглядывать глаза напротив. Они теперь так близко. Взгляд его поражает глубиной. Присматриваюсь к радужке и понимаю: она зелёная.

«Почему мне нельзя здесь быть?»

«Опасно», – коротко отвечает он.

«Но кроме нас здесь никого нет», – замечаю я.

«Иллюзия», – так же односложно парирует он мне.

Мне не очень понятны его ответы. Беспокойно осматриваюсь по сторонам и прислушиваюсь. Он замечает мою нервозность и вдруг обнимает меня. Я прячу лицо в фалдах его одеяния и руками осторожно обхватываю за шею. Она так же горяча, как и его ладони на моей спине. Теперь я словно стою у согревающего камина. Становится спокойно и уютно.

Он крепче сжимает меня в объятиях, и будто горячая искорка из этого «камина» вдруг проникает в меня, селится глубоко в груди и начинает быстро разрастаться. Несколько мгновений – и внутри меня уже полыхает пламя. Мощь его жара дурманит

и наполняют меня каким-то, просто сумасшедшим счастьем. Кровь кипящей лавой несётся по венам. Я остро чувствую, как превращаюсь в сплошной полыхающий сгусток энергии.

Пространство вокруг нас становится густым, вязким и наполняется отлетающими от меня светящимися искорками. Я вижу, как они оседают на мужчине и начинают проникать в него. Он вдыхает разгоряченный воздух с парящими в нем яркими искорками, и чуть помедлив, рвано выдыхает. Чувствую этот выдох на своих волосах и жду... Чего я жду? Поцелуя? Да. Кажется, он просто жизненно необходим мне сейчас. Необходим, как вода измученному жаждой путнику в пустыне. Я тянусь к его губам, но напрасно... Он приподнимает подбородок и смотрит поверх меня – в окно, которое находится у меня за спиной. Искры, отлетевшие от меня и парящие вокруг нас, вдруг гаснут всё разом. Незнакомец в мгновение ока снова становится холодным, отстранённым.

«Не время...» – то ли слышу, то ли чувствую я.

Меня разворачивают к окну. Я больше не могу видеть незнакомца. Он теперь стоит у меня за спиной. А перед глазами опять предстаёт пугающая чернота. Я вздрагиваю. Остро ощущаю, как внутри меня зарождается страх. И слышу из-за спины:

«Шшш... Не бойся, мы справимся».

Его негромкий голос звучит у меня в голове низкими нотами. А руки ложатся мне на плечи. Становится не так зябко.

«Где мы?» – тихо спрашиваю я, глядя в окно.

Мой вопрос повисает в воздухе.

Вдруг замечаю, что из сада за нами кто-то наблюдает.

«Кто это?» – испуганно спрашиваю я.

Глава 12 Зыбкая защита «Пирата»

«Не бойся. Видишь свет вдали? Это твой ориентир. Иди на него», – доносится голос моего странного собеседника.

«А ты?» – оборачиваюсь я, чтобы снова видеть его лицо.

«Я буду позже».

«Когда?»

«Скоро», – слышу я.

Смотрю на своего неожиданного визитера и замечаю, как он начинает постепенно исчезать в темноте. Словно растворяться.

«Куда же ты?!» – пытаюсь крикнуть ему вслед, но не могу. В горле появляется ком. Он не даёт возможности четко проговорить этот вопрос. Так, чтобы он смог его услышать.

И вот я снова одна. Понимаю, что нужно отсюда выбираться, но покидать комнату страшно. Хочется вернуться в постель и спрятаться под одеялом, но я вновь поворачиваюсь к окну и не могу оторвать глаз от того, кто наблюдает за мной из сада.

Это явно мужчина. Он подходит ближе и становится лучше различимым. Его коротко стриженная макушка кажется белой. Волосы либо очень короткие, либо отсутствуют полностью. Под нависшими густыми бровями замечаю глубоко посаженные глаза. В страхе делаю несколько шагов от окна и краем глаза замечаю зыбкую тень справа от себя: у комода или как там его. Поворачиваюсь, чтобы рассмотреть тень и узнаю знакомый с детства силуэт.

«Мама? Как ты здесь оказалась?» – то ли вслух, то ли мысленно спрашиваю я.

«Не доверяй ему, Котёнок!» – эхом отдаётся у меня в голове.

«Кому, мама? Тому, кто был здесь, или тому, кто за окном?»

Ответа я услышать не успеваю.

В сознание ворвалась знакомая мелодия, установленная на контакт «Дед». Я распахнула глаза и потянулась за сотовым, но...

«Что это там? Крючок, что ли?» – задумалась спросонья и полезла за тумбочку. Крючка я там не нащупала, зато обнаружила зазубрину, за которую и зацепился шнурок смарта. Освободив его из зубастого плена, я подхватила телефон и ответила на звонок.

– Как спала, девочка?

– Как убитая, – ответила я, зевнув.

– Что-то в голосе мало оптимизма, – заметил он, – Всё в порядке?

– Не волнуйся, просто сон странный приснился.

– Ну, со снами – это к Полине Витальевне, – смеясь, ответил он.

– Привет ей от меня.

– Передам. Не залёживайся, завтрак через полтора часа.

– Успел навести справки, – улыбаясь, подначила я его.

– Это было несложно. Привет от меня жениху с невестой.

– А Михаилу?

– Переживёт. И так кучу моего внимания на себя тянет. До вечернего созвона Котёнок.

– Пока, бабушка! – ответила я. Скинула с запястья своего электронного «Цербера» и побежала в ванную.

Она оказалась на редкость впечатляющей. Навороченный джакузи так и манил огромными изогнутыми формами. Я не стала сопротивляться соблазну и, скинув маечку с трусиками, ринулась в него, быстро заполняющиеся чуть горячей водой глубины.

«А кто его наполнил?»

Но эта мысль выветрилась из головы, стоило мне окунуться в воду всем телом. Включив лёгкий турбо режим, я предалась наслаждению. Тугие струи били по телу, растворяя сонное состояние и унося странный осадок от недавнего сна.

Заметив Мишино кольцо на пальце, я снова пыталась его снять. Не получалось. Оно, как и вчера вечером, почти не сдавливало кожу и свободно доходило до нижней костяшки моего многострадального безымянного пальца. И намертво застревало на ней. Не помогло ничего: ни прохладная вода из крана, под которым я держала пальцы, пока они совсем не заledenенели, ни пена, щедро намыленная на страдальца.

«Магия какая-то», – мысленно усмехнулась я. – Зачем только он мне его надел?»

Мне казалось, что вчера в холле Универа я дала ясно понять Новикову, что не готова к более серьёзным отношениям. Рассчитывала, что он отступит, поставит их на паузу. Но поступил он ровно наоборот: стал настойчивым, давящим, даже назойливым.

«Ладно, разберемся», – мысленно успокоила я себя.

В памяти опять всплыло моё странное сновидение. Оно казалось мне совершенно непонятным и одновременно до чёртиков интригующим. Мне очень редко снилась мама. За все годы с того страшного дня, поставившего мою жизнь с ног на голову, я видела ее во сне всего несколько раз. И хорошо запомнила каждый. Первый – накануне Праздника Осени, когда я училась в начальной школе, второй – перед поездкой к маминной подруге за Урал, третий – перед выпускным. И вот теперь мама приснилась мне в четвертый раз. И надо сказать, «кино», которое я смотрела прошлой ночью, оказалось самым непонятным из всех. Оно напоминало головолomку. Бабуля считала, что некоторые сны могут быть вещими. Особенно, если снятся на новом месте.

«Не знаю, насколько он был вещим, но точно оставил тревожный осадок».

Правда, мужчина, которого я увидела во сне, и наяву продолжал казаться мне знакомым. Я не смогла разглядеть его лицо в подробностях – было довольно темно. Но узнаваемым мне показалось и ощущение защищенности, которое я почувствовала в его присутствии, и стойкая иллюзия уюта рядом с ним.

«Но где я могла его видеть раньше?» – задумалась я принялась перебирать в памяти всех, с кем общалась в последние полгода.

Ни один не походил на «шахматиста» из сна. Включая Новикова. Напрягла память и «прошлась» по воспоминаниям из детства. Однако никто из гостей, когда-либо побывавших в нашем доме, так и не напомнил мне незнакомца из сна.

Решив больше не терроризировать память бесполезными воспоминаниями, я было задумалась о том, что бы заказать на завтрак, как вдруг где-то на задворках подкорки всплыл один день из раннего детства.

Я вспомнила, как мы с мамой в последний раз ходили в парк развлечений. Когда-то регулярно наведываться в тот парк было нашим с ней ритуалом. Я очень любила вместе покататься там на «лодочках» и поесть фисташкового мороженого в вафельном рожке. За давностью лет ритуал тот был почти забыт.

«Да, – с сожалением вздохнула я, – с папой мы обожали играть в маски-шоу, а с мамой – «ходить на качельки» и обязательно заглянуть в комнату страха».

Я просто обожала визиты в ту комнату! Вернее, саму смесь ощущений: дикого страха и восхищения тем, что смогла побороть его и зайти, а не сбежать, как трусливый зайчишка.

Мое воспоминание о том, последним с мамой дне в парке развлечений, было далеким, почти эфемерным. Пришлось сильнее напрячь память. До головной боли. Сначала перед глазами «повисло» зыбкое «изображение». Оно напоминало кадр на экране старого телевизора, поставленный на «стоп». А потом... будто чья-то невидимая рука нажала на «воспроизведение», и перед глазами стало прокручиваться «кино» со мою в главной роли. Сначала оно виделось мне черно-белым, но вскоре насытилось красками и запахами.

Я будто телепортировалась в тот осенний солнечный день и ярко прочувствовала своё хмурое настроение. Вспомнила, насколько нехотя садилась на качели – на железную лошадку, которая в числе других «животных» должна была везти меня по кругу. Нехотя настолько, что изо всех сил хотелось с нее сбежать. В тот день мне почему-то навязчиво казалось, что «лошадка» оживёт и унесёт меня далеко от мамы. И в этом далёком далеке я останусь совсем одна.

Ощущаю, как в нос бьет запах разнотравья. В парке она повсюду. Я чихаю и делюсь своим страхом с тем, кто усаживает меня на качели. И слышу низкий мужской голос.

«Ничего не бойся, я буду рядом и не дам ей тебя унести», – обещает он, удобнее усаживая меня на эргономическое сидение и застегивая на талии металлическую пряжку ремня.

Я слышу щелчок замка гляжу вверх. Яркий солнечный свет слепит глаза, и лицо его мне видится нечётким. Смотрю на его губы и замечаю, как они растягиваются в улыбке. Она добрая. Открытая. По-настоящему живая. Он уверенно кивает, подтверждая свои слова. то.

Я верю ему. Верю и успокаиваюсь. Настолько, что, когда «лошадка» трогается с места и везёт меня по кругу, мне уже совсем не страшно.

Тёплый сентябрьский ветер бьёт в лицо, солнце слепит глаза, но я всё равно стараюсь ухватить маму взглядом. Однако широкая спина того, кто усадил меня на «лошадку», почти полностью скрывает ее от меня. Мой недавний собеседник держит маму за плечи и что-то говорит, склонившись над ней с высоты своего исполинского роста.

Ветер играет с его зачесанной назад чёлкой, иногда приподнимая её чуть ли не вертикально. И тогда она развевается на ветру, словно чёрный парус. А сам мужчина представляется мне пиратом из книжки, которую накануне мы с бабушкой закончили читать. Да – настоящим пиратом, в своём длинном чёрном плаще, с большими крепкими ладонями, которыми он чуть раньше подхватил меня и усадил на качели.

Но вот он отходит, и я, наконец, вижу маму. Она издали машет мне рукой и улыбается. Она старается казаться весёлой, но я чувствую её грусть. Мама явно расстроена. Очень. И я делаю вывод, что это именно «Пират» её и расстроил.

Что-то мне подсказывало, что «Пират» из обрушившегося на меня воспоминания и «Шахматист» из моего ночного сна – это одно и то же лицо.

«Интересно, где это лицо сейчас, спустя столько лет?»

Глава 13 Ответный ход Новикова

Просторная, довольно глубокая ванна быстро заполнялась водой. Я не пожалела пенной соли и теперь, нежась в воде комфортной температуры, пыталась расслабиться и насладиться видом разноцветных пузырьков, разбросанных по мягкой на ощупь, пористой поверхности.

Пузырьки весело поблёскивали в неярком свете, лившемся с высокого потолка. Невесомая пенная шапка разрасталась на водной глади и на глазах превращалась в величественные белые барханы. Их довольно высокие пирамиды—верхушки теперь обступали меня со всех сторон и слегка щекотали спину и плечи. Вскоре на поверхности остались заметны лишь лицо и верхние контуры моих плеч.

Но, в этой плотной пенной «броне» психологически я не чувствовала себя в безопасности. Смутное беспокойство не давало мне возможности расслабиться и насладиться водными процедурами. Ростки этого беспокойства поселились во мне ещё вчера утром и уже сутки бередили душу, словно настырные червячки, неустанно прорывающие тоннели в спелом сочном яблоке. Да, я нервничала и подсознательно к чему-то готовилась. И интуиция меня не обманула.

Чьи-то цепкие пальцы бесцеремонно легли мне на плечи и некрепко, но неприятно их сжали. Я дёрнулась от неожиданности и с головой нырнула под толщу воды, спрятавшись под рыхлыми пенными барханами. Цепenea от ужаса, я затаилась под зыбкой защитой невесомого пенного покрывала, прекрасно осознавая, что укрытие мое ненадёжно и находиться под ним опасно, ведь ещё чуть-чуть – и я могу задохнуться. И всё же, распластавшись на дне и ухватившись за небольшой поручень у боковой стенки ванны, я и изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание. Удавалось слабо. Потому что каждая клеточка моего напряжённого тела пропитывалась тяжелым металлическим привкусом безысходности. Она быстро лишала сил и ощутимо давила ко дну невидимой, но совершенно неподъемной каменной глыбой. Все было в точности так же, как и в тот злосчастный вечер, в который я вляпалась полгода назад...

От недостатка кислорода стало мутить. Казалось, ещё мгновение – и грудную клетку разорвет в клочья. Каждая секунда в вакууме отдавалась в ушах тупым «бом», словно запущенный кем-то метроном принялся отсчитывать оставшиеся мгновения моей жизни. Отсчёт этих мгновений всё убыстрялся и всё громче отдавался в ушах. Мне стало казаться, что сейчас меня разорвёт на миллион мельчайших Кать. Они всплывут на поверхность остывшей воды словно шарики от пинг-понга и смешаются с пузырями из невесомой пены, которыми совсем недавно я любовалась.

Но, когда удушающая духота окончательно затянула меня в свой плотный кокон, а резкие удары метронома зазвучали в висках невыносимо громкими набатом, непонятная сила потянула меня вверх.

– С ума сошла? – словно сквозь вату в ушах я расслышала злобный бас Новикова.

Всплыв на поверхность, я жадно хватала ртом воздух и дико отплёвывалась. Уцепившись за мои плечи, Миша наполовину вытащил меня из воды и несколько раз сильно встряхнул. Вода больше не согревала. Меня трясло от холода, а голова моталась как у китайского болванчика. Казалось, она вот-вот слетит с шеи и покатится по холодному мраморному полу.

Я взглянула в мокрое сердитое лицо однокурсника и внутренне сжалась. Зрачки его глаз всегда были разного размера, создавая удивительный эффект загадочного, проникающего взгляда, что странно воздействовало на особо впечатлительных. Казалось, будто Новиков видит тебя насквозь и способен читать мысли. Однако сейчас этот оракульский эффект усилился в разы!

В карих глубинах и без того необычных глаз сейчас плескалось нечто тёмное, бурлящее, как закипающий в турке кофе. Это бесовское нечто сгушалось вокруг обсидиановых зрачков, казавшихся просто огромными. Лицо Новикова находилось так близко от моего, что я чувствовала его ритмичное обжигающее дыхание на своём, вмиг похолодевшем лице.

Гул в ушах стал постепенно стихать, и я смогла расслышать его злой шёпот.

– Отвечай! Я жду, – сердито прошипел он мне в губы.

А я... Я была в состоянии лишь стучать зубами и дико дрожать. То ли от холода, то ли от стресса. Всматриваясь в напряжённое лицо напротив, с которого напрочь слетела привычная маска равнодушного спокойствия, я со страхом ловила бесконечные волны его гнева и дрожала всё сильнее.

– Зачем ты это сделала? – громко повторил он вопрос, видимо, сообразив, что я не слышала.

– Ис-пу-га-лась... – непослушными губами прошептала я, заикаясь. И, ощутив, как сжалась на плечах тиски его пальцев, попросила: —Хватит... Мне больно...

– Испугалась? – удивлённо переспросил он, – Кого? Меня?!

И снова встряхнул меня, словно тряпичную куклу.

– Кккак ты вво-шёл?

Он не ответил.

– Отпусти... меня... в воду, – пробормотала я дрожащими губами.

Никак не получалось выровнять дыхание. Всё тело било мелкой дрожью. Чтобы больше не видеть его горящих яростью глаз, я опустила взгляд и ужаснулась: грудь, сплошь покрытая гусиной кожей, бешено вздымалась, а облачка пены, неприятно щекоча кожу, стремительно скатывались в воду, лишая меня последних крох защиты.

– Так ты считаешь, что лучше утонуть, чем быть со мной? Так? – донёсся ушей его четкий низкий голос. – Отвечай!

Я не успела. В ванную ворвался холодный воздух, я задрожала сильнее и услышала:

– Новиков, – на выход!

– С чего вдруг? – жёстко бросил он, на секунду обернувшись к двери. – Закрой дверь с той стороны, Стоцкая! Не до тебя сейчас. И продолжил рассматривать меня, как неведомую зверушку.

– И не подумаю! Выметайся, пока не случилось непоправимого.

– Непоправимого? – недобрая усмешка кривила его губы.

– Именно! – не сдавалась подруга, – Давай выметайся! Заработай себе пару очков в карму! Её давно пора отбелить.

– Да она у меня белая и пушистая. К тому же не тебе судить о ее чистоте, Стоцкая, – холодно выплюнул Миша, искоса взглянув на подругу, – И я просто до неприличия терпим к выкрутасам твоей подружки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.